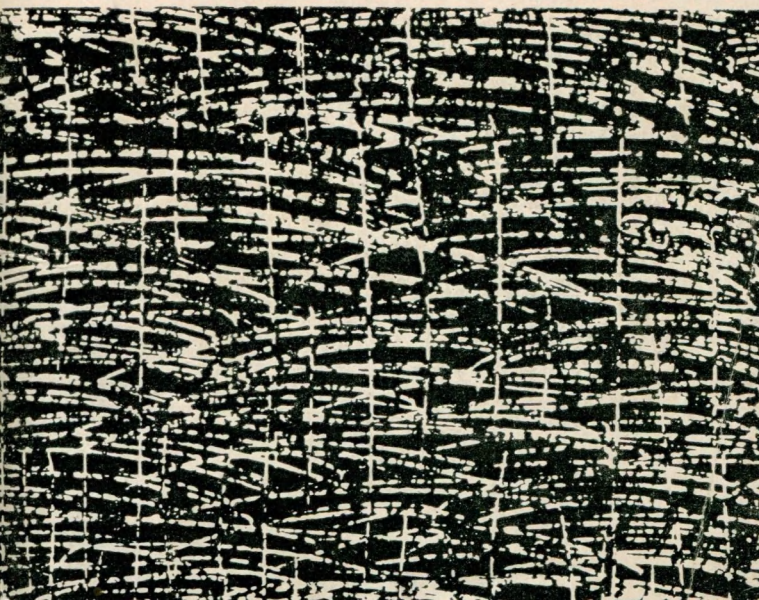

А. МАКАРОВ

**ДЕМЬЯН
БЕДНЫЙ**

Автор этой книги А. Макаров известен советскому читателю своими сборниками литературно-критических статей «Воспитание чувств», «Разговор по поводу» и «Серьезная жизнь».

Эта книжка — своего рода попытка нарисовать творческий портрет поэта революции, ее верного рыцаря, вдохновенного певца и неутомимого работника. В ней кратко рассказывается о становлении таланта и основных направлениях творчества Демьяна Бедного, об особенностях его мобилизующей поэзии и ее жанровом многообразии. Автор стремится дать свое объяснение поэтическим завоеваниям и открытиям Демьяна Бедного, его удачам и обрушившимся на него невзгодам.

Очерк написан в свойственной А. Макарову манере живого, взволнованного изложения материала.

А. МАКАРОВ

ДЕМЬЯН
БЕДНЫЙ

А. МАКАРОВ

**ДЕМЬЯН
БЕДНЫЙ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва 1964

**8P2
M15**

Оформление художника
И. ГИРЕЛЬ

Жизнь и творчество человека, о котором я пытаюсь рассказать, являются собой образец служения родному народу и революции. Не побоюсь сказать, образец беспрецедентный. Пожалуй, ни один поэт не добивался с такой последовательностью и упорством практического приложения таланта к решению непосредственных задач революции, задач, возникающих по мере ее развития, не растворял так свое творчество в общественной жизни своего времени. Он гордился тем, что может назвать себя поэтом среди политиков и политиком среди поэтов. И с полным основанием признавал над собой единственного судью — народ.

Еще в начале 20-х годов литературный критик А. Воронский так определил место Демьяна Бедного в советской поэзии: *«В поэзии это пролетарское лицо русской*

*революции, но с ее крестьянским обликом, отразил, как никто иной, Демьян Бедный»*¹. Статья Воронского до сих пор остается лучшей статьей о поэте. Но она написана в годы наивысшего взлета поэзии Демьяна Бедного, в дни его наибольшей популярности и славы и далеко не охватывает всего пути поэта. А кроме того, формула критика, очень верно характеризующая облик поэзии Бедного, сложившийся на почве взаимоотношений и взаимодействия двух основных движущих сил русской революции, не исчерпывает содержания этой поэзии. Суть в том, что Демьян Бедный не только отразил лицо нашей революции, но и как никто из поэтов на первых ее порах способствовал своей поэзией внесению социалистического сознания в огромные, разбуженные революцией массы; он был политическим просветителем этих масс — и прежде всего трудового крестьянства, с которым связан корнями, своей мужицкой родословной.

Будучи «природным мужиком», он прекрасно понимал двойственность психологии трудового крестьянина. И когда новым светом ленинской большевистской правды озарилась душа поэта, он отдал весь свой талант тому, чтобы сделать эту правду до-

---

¹ А. Воронский, Литературно-критические статьи, «Советский писатель», М. 1963, стр. 320.

стоянием умов и сердец простого люда, перелагая ее словами ясной, доходчивой, самобытной народной речи на самый влиятельный в мире язык — язык образов.

Своей поэтической работой он внедрял в сознание масс понимание того, что подлинное искусство — их верный помощник в борьбе, в строительстве новой жизни, средство, позволяющее действительно изменять мир, растить душу.

Все он изведаль — и счастье удач, и боль поражений, был и прав и не прав, впадал в ошибки, пережил взлет невиданной общенародной популярности и жестокое отторжение от всего того, что составляло его жизнь, изведаль головокружительную до умеренности хвалу, и раздирающую сердце хулу, и безмерное ошельмование — всего этого в досталь выпало ему на долю. Только страстная, гордая и могучая натура могла вынести и преодолеть такие испытания, не теряя стойкости духа, не оставляя пера. И только большевистская закалка бойца ленинской гвардии, верность идеалу помогли ему выстоять.

Поэт-трибун, выходец из народных низов, он являл собою образец личности, завидно сочетавшей физическое здоровье с мощью духа и гигантской работоспособностью. Казалось, сама природа позаботилась о том, чтобы наградить будущего неутомимого бойца богатырским сложением

и неистощимым запасом сил. «Детина в шесть пудов весом. Крепкая черная кость», — с удовлетворением характеризует он себя в молодые годы... Лицо с высоким лбом выражает нравственное достоинство и уверенность в себе. И прежде всего завораживает устремленный на вас пронзительный взгляд светящихся умом глаз. Иногда в них проблескивает лукавая искорка смеха. Юмор был неотъемлемой чертой его таланта и его характера. Характера насмешливого, самостоятельного, крутого и неуступчивого. Характера человека, идущего к друзьям с открытой душой, полного доброжелательства, и непримиримого к идейным врагам. Человека, не умеющего ни в чем фальшивить, притворяться и льстить. Он не обладал христианским смирением и не прощал обид. Зато уж и ему не прощали ни малейшей оплошности. По жизни он прошел твердой походкой солдата революции, до конца дней отдавая все свои силы благородному служению родной литературе и идеям коммунизма.

Жизнь Демьяна Бедного с полным основанием можно отнести к ряду героических жизней. О ней мне и хочется рассказать, насколько это в моих силах и в пределах моего понимания этой жизни, отнюдь не претендуя на роль исследователя и не соперничая с теми, кто пристально занимается научным изучением его творче-

ства и чьими работами я сам с благодарностью воспользовался¹.

Многое в биографии поэта еще остается недостаточно освещенным. Кое-что в прежних взглядах на его творчество нуждается в пересмотре. Перед исследователями еще непечатый край работы.

1. «ВРЕМЯ ТЕМНОЕ, ГЛУХОЕ...»

О личном, интимном он говорить не любил. Ни в стихах, ни в прозе. Его автобиографии предельно сжаты. «Пускаться в... автобиографические измышления я не охотник, особенно на бумаге». «То, что не связано непосредственно с моей агитационно-литературной работой, не имеет особого интереса и значения...» Так решительно

---

¹ Литература о Демьяне Бедном, как известно, пока еще небогата. Работы 20-х годов, за исключением статьи А. Воронского, давно вышли из круга чтения. Из работ послевоенных лет, кроме вступительных статей, хорошо известны: критико-биографический очерк И. Эвентова «Демьян Бедный» (Гослитиздат, 1958), незаконченная работа В. Куриленкова «Демьян Бедный» («Советский писатель», 1954), очерк Л. Швецово́й в трехтомной «Истории советской литературы». Лишь в 1963 году появилась книжка В. Монастырского, изданная в Тамбове, и посвященные раннему периоду творчества поэта исследования А. Прямова («День поэзии», М. 1963), А. Бережного («Вестник Ленинградского университета», 1963, № 8).

отметал он всякие попытки вторжения в то, что называется частной жизнью. Лишь воспоминания о раннем детстве отразились в его стихах. И то скупое. И менее всего ради самих воспоминаний. А для того, чтобы сказать, *как было*, новой юности, той *красной молодежи*, которой он любовался по-отцовски, на которую глядел и не мог наглядеться.

Юная гвардия Советской страны празднует Международный юношеский день. И в памяти поэта всплывают «личные» воспоминания:

Время темное, глухое...
И забитость, и нужда...
Ой, ты, времечко лихое,
Мои юные года!
Перед кем лишь мне, парнишке,
Не случилось спину гнуть?
К честным людям, к умной книжке
Сам протапывал я путь.
Темь. Не видно: ров иль кочка?
Друг навстречу или гад?
Сиротливый одиночка,
Брел я слепо, наугад.

(«Юной гвардии»)

В новой, советской России детвора встречает новогодний праздник. И рождается стихотворение «У господ на елке» — память о горькой детской обиде, — нет, об оскорблении человеческого достоинства, рана, не зарубцевавшаяся и через тридцать лет, не забытая, не прощенная.

Попрощались и — домой.
Дома пахнет водкой.
Два отца — чужой и мой —
Пьют за загородкой.

Спать мешает до утра
Пьяное соседство.

Незабвенная пора,
Золотое детство!

Кому не прощено? Барчатам, смотревшим, как на порченого, на мальчишку, вцепившегося в материнский подол? Господам, сунувшим пряник и обозвавшим дикарем? А может быть, не только им, а и отцам, довольствующимся водочным забвением?! Да и тем, и другим, и третьим — всему старому миру, в котором мальчишка чувствовал себя *сиротливым одиночкой*. Не прощено и не забыто.

Он не рос сиротою. Здравствовали и отец и мать. Откуда же это ощущение сиротливого одиночества, эта язвительная горечь в адрес «незабвенной поры, золотого детства»?

1 (13) апреля 1883 года у сторожа Елисаветградского духовного училища Алексея Придворова родился сын. Родился в селе Губовка Херсонской губернии, наполовину русском, наполовину украинском селе, где в доме свекра бедовала мать. Родители жили порознь, отец навещался в деревню, мать временами наезжала в город. Что делать? В подвальной каморке на десятируб-

левое жалование вдвоем не проживешь. Но и в деревне не прокормишься.

Деревенский поп нарек новорожденного крестьянским именем Ефим. До семи лет мальчик прожил в городе у отца, успев научиться грамоте по книгам религиозного содержания. А «с семи лет и до тринадцати мне пришлось вытерпеть каторжную совместную жизнь с матерью в деревне у деда Софрона, удивительно душевного старика, любившего и жалевшего меня очень. Что касается матери, то... если я остался жильцом на этом свете, она менее всего в этом повинна. Держала она меня в черном теле и била смертным боем».

Биографы поэта обычно предпочитают опускать эти жестокие слова о матери, все внимание уделяя доброму деду. И напрасно. Дело не в том, каковы были причины зверского обращения родной матери с мальчишкой, — задавленность нуждой, невозможность жить одной семьей, лишний рот, прибавивший хлопот, или дурной характер. Не исключено и то и другое. Важно, что на собственном хребте познал будущий поэт «прелести» деревенского существования. «Личное» не только не скрашивало «социального», а, напротив, вколачивало это социальное так, что неугасимой ненависти к старой деревне потòм хватило на всю жизнь.

О деде поэт сохранил самую светлую память. Более того, внук сделал для деда то, что мог сделать только художник, он увековечил его образ. Давно уже в земле будут покоиться кости старика Софрона Придворова, но его «воскресит» благодарный внук, создавая в стихах образ народного рассказчика, агитатора за новую жизнь, чьи побасенки и присловья полны мудрого опыта и здравого смысла.

Но это еще будет, и будет не скоро, пока же мальчик жадно впитывает рассказы деда о прошлом, о военных поселениях, введенных графом Аракчеевым. Софрон Придворов — рослый, уже подслеповатый, старик лет под шестьдесят — был изумительным рассказчиком. Он помнил еще те времена, когда военные поселенцы носили военную форму, были обязаны и на земле работать, и круглый год заниматься военным обучением. «А чем спина моя не книга? — говаривал он внуку. — Вместо строк на ней рубцы». «Суровы были и несложны его рассказы и ясны, и были после них тревожны мои младенческие сны».

Впрочем, явь мало чем отличалась от снов. И если не забивали насмерть шпицрутенами непокорных, так все же стояла наискосок от избы Придворовых арестантская, куда сажали недоимщиков и смутьянов и которую по деревням так и звали «расправой».

Смутьяном слыл в деревне и дядя поэта Демьян Софронович. Еще в молодости он ушел на Дон и лишь через двадцать лет вернулся в родные края. Судя по воспоминаниям односельчан, был он фигурой весьма колоритной — деревенским озорником, резким и прямым в суждениях, которые высказывал, приправляя грубым мужицким острословием. Не боялся ни бога, ни черта, честил и в хвост и в гриву и деревенских богатеев, и попа, и помещика... словом, вредный был мужик. В округе его звали Демкой Бедным — прозвищем, которое увековечит племянник. И возможно, от Демьяна Придворова унаследует будущий поэт неукротимый и насмешливый нрав, как от деда — дар неиссякаемого занимательного рассказчика.

«Время темное, глухое...» «Рожденные в года глухие», — скажет об этом же времени поэт, вышедший из другой, дворянской среды, почти современник Демьяна Бедного — Александр Блок. Никогда еще так не сгушалась тьма над Россией, как в мрачные годы царствования Александра III. И нигде не была так беспросветна жизнь, как в деревне, где классовое расслоение, катастрофическое обеднение трудового крестьянства шли на полный ход, изгоняя из села тысячи и десятки тысяч таких, как Демьян и Алексей Придворовы, рождая мироедов, вроде известного нам из произведений Бед-

ного Прова Кузьмича. Кстати, персонаж с этим именем, равно как и поп Ипат, так часто встречается на страницах его произведений, что невольно думаешь, что эти эксплуататоры рабочих рук и темных душ деревенской бедноты имели не только реальных прототипов, но и тезок. В эти годы в детской душе закладывались семена непримиримой, яростной ненависти к барину, кулаку, попу — мужицкой ненависти, веками накапливавшейся, жгучей, жаждущей возмездия, ненависти, и как бы унаследованной классовой, и «личной», пробужденной в чувствительном, ранимом мальчишеском сердце условиями существования.

Но были и другие *семена*, запавшие в юную душу и заронившие в нее иные чувства — чувство человеческого достоинства, веры в себя и в будущее. Не скрывая неудовольствия, оглядывал холеный барин пугливо топтавшегося в передней мальчугана, приехавшего из деревни к отцу:

«...А, с книжонкою мальчишка?!
Велики ль его года?
Покажи-ка, что за книжка?
Подойди ж, дурак, сюда!
М-да... Некрасов... Выбор странный!..
Проку что с таких-то книг?!»

(«*Семена*»)

Прихотила к таким книгам паренька Придворова сельская учительница Марфа Семеновна Куликова. Дворянка по проис-

хождению, она была одной из тех бескорыстных подвижниц, кто, «с темнотою борясь народной», всю жизнь свою посвятил обучению крестьянских детей. Это она отвлекла мальчика от чтения церковно-монашеских книг и открыла перед ним нетленные сокровища русской поэзии.

В личной библиотеке Куликовой будущий поэт познакомился и со сказками Пушкина, и с баснями Крылова, с Некрасовым и Гоголем и наизусть выучил «Конька-горбунка». Размеры и ритмы пушкинских сказок, летящий, танцующий стих «Конька-горбунка», вольный стих крыловских басен впоследствии оживут в его стихах, поэмах, баснях. Не как имитация, не как подражание, а как самобытное освоение, личное проникновение в тайны поэтических форм, подслушанных великими поэтами в музыкальной стихии родной русской речи.

Еще живы кое-кто из сверстников поэта, помнящих его школьные годы. Уже тогда он сочинял разные веселые дразнилки. Школьную премудрость схватывал на лету. Бывало, что, не вынеся материнского деспотизма, неделями жил в школе. Марфа Семеновна всячески старалась помочь одаренному мальчику. Она, видимо, и прямо вмешалась в его судьбу, когда его сговорили было в ученье к обойному мастеру. Ее деверь взялся подготовить Ефима в воен-

но-фельдшерскую школу, где Алексею Придворову удалось выхлопотать для сына «казенный кошт».

«Жизнь в военно-учебном заведении — после домашнего ада — показалась мне раем. Учился я старательно и успешно. Казенную премудрость усвоил настолько основательно, что это сказывалось даже тогда, когда я был уже студентом университета: долго я не мог отделаться от военной выправки и патриотической закваски».

«Рай» военно-учебного заведения был, конечно, весьма относительным и коварным раем. Обеспеченное существование после жизни впроголодь, перспектива выйти «в люди», некоторый досуг, обретенный для чтения, могли в самом деле показаться раем. Да и последовавшая за четыремь годами учения четырехлетняя служба фельдшером в елисаветградских казармах создавала привилегированное положение среди солдат. Впоследствии личный опыт общения с солдатской массой весьма пригодится поэту Демьяну Бедному. Но в то время особое положение Ефима Придворова в казарме скорее отделяло его от «серой скотинки», чем объединяло с ней. А казенная премудрость и ура-патриотическая закваска делали свое дело, питая в юноше то «обывательски-благонамеренное настроение», которое сказалось на его ранних стихотворных опытах. Одно из таких отроче-

ских стихотворений, где пелась хвала «апостолу мира царю Николаю», поэт впоследствии охарактеризует так: «Прорезался первый зубок, да не в тот бок... К счастью, будучи молочным, оказался зуб не очень прочным» («На...до... ж...дать»).

Впервые имя Е. Придворова появилось в сборнике, о духе и художественной ценности которого можно с достаточным основанием судить по безвкусно-претенциозному названию «Стихи поэтов и поэтесс».

Вообще об этом периоде жизни Придворова наши знания весьма скудны. Но можно полагать, что в отроческие и юношеские годы его ум занимали и вопросы, лежащие далеко за пределами казенной премудрости. Юноша много и упорно занимался самообразованием. Каким-то чудом сохранилась маленькая книжица — экземпляр «Гамлета» в издании 1896 года; на первом листке ее сделана надпись: «В атаке сомнения зарождается прогресс. Бокль». А в конце вплетено несколько страниц, исписанных старательным четким почерком. Вступая в полемику с юношеской статьей Луначарского о Гамлете¹, автор записи, сделанной в 1898 году, излагает свои мысли о цели жизни, о произведении Шекспира.

---

¹ Статья Луначарского, как помечено в записи, была написана в 1892 году, когда ее автору было семнадцать лет.

Запись эта показывает, какие духовные запросы волновали душу пятнадцатилетнего фельдшерского ученика и, в частности, как разнообразен был круг чтения этого страстного книгочя, чья домашняя библиотека впоследствии будет предметом его гордости.

Вот это пристрастие к литературе, интересы духа, проба собственного пера и побудили будущего поэта всеми правдами и неправдами вылезти из военного мундира, и, выдержав экстерном экзамен за гимназический курс, он поступил в 1904 году в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Годы учебы совпали с годами первой русской революции. В обстановке студенческих сходок и манифестаций, под влиянием революционных событий происходила в молодом поэте коренная ломка взглядов, шел сложный процесс идейного формирования активной человеческой личности. Здесь-то, писал поэт, «после четырех лет новой жизни, новых встреч и новых впечатлений, после ошеломительной для меня революции 1905—1906 годов и еще более ошеломительной реакции последующих лет, я растерял все, на чем зиждилось мое обывательски-благонамеренное настроение».

Революция разбудила в стихотворце, писавшем посредственные, подражательные стишки, большого поэта. Более того, она

стелала его своим верным паладином, бьющимся за нее художественным словом столь же рьяно, как бился «духом смелый и прямой» рыцарь, воспетый Пушкиным. Немногу придумано это сравнение. Образ пушкинского рыцаря для самого Демьяна Бедного был образом, воплотившим идеал самоотверженного служения идее и верности долгу. О нем он вспоминал, говоря о революционном долге пролетарского писателя, призванного «рыцарски служить не «сладостной мечте», а сладостному великому делу раскрепощения рабочего класса...». Может быть, даже самая строка: «Жил на свете рыцарь *бедный*...» таила для него некий особый смысл. Только не монашески-благочестивое «Ave mater Dei» начертал он на своем поэтическом щите, а гордые «символические для всего мирового пролетариата буквы А. П. Р. — «Ave — то есть да здравствует! — пролетарская революция!»

2. «ПО МАЯКУ СВОСОДЫ»

Истинный солдат не тот, кто, увлеченный общим наступательным порывом, тоже оказывается в рядах бойцов, а при первой же неудаче бросает щит и убегает с поля боя, как «трепетный квирит, творя обеты и молитвы» (А. С. Пушкин). Настоящий солдат в дни поражения не теряет веры, в нем

пробуждается неукротимая воля к бsrьбе. И право же, очень немаловажно то, что именно в годы «ошеломительной реакции», когда эпидемия ренегатства вспыхивает в кругах буржуазно-либеральной интеллигенции, распространяясь с невероятной быстротой в литературно-художественной среде, Бедный оказывается в стане непокоренных.

Первые шаги на новом пути еще робки. Он идет как бы ощупью: «вправо брел по бездорожью, влево брел наискосок». Сближение с поэтом-народовольцем П. Якубовичем-Мельшиным побуждает его настроить лиру на традиционный лад народнического скорбного негодования и оплакивания павших. И стихи, появившиеся в 1909 году в короленковском «Русском богатстве», мало чем отличались от той гражданско-обличительной лирики, какая характерна для поэзии народников.

«Влияние П. Я. на меня было громадно, — вспоминает поэт. — Любил я его до самозабвения». Но тут же добавляет: «А вот суду его всецело не поддавался». И действительно, даже в дни наиболее близкого общения с Якубовичем-Мельшиным Ефим Придворов пишет стихи, предвещающие будущего Бедного — поэта-бойца. Эти стихи ведут свою родословную не от скорбно-укоризненной народнической музыки, а напрямик, через головы поэтов-

народников, от гневной некрасовской «музы мести и печали».

В «Письме из деревни» перед нами поэт, всеми корнями связанный с крестьянской средой. Заштампованные обороты народнической поэзии сменяются живой человеческой речью, и вместо привычной интеллигентской унылости закипает мужицкая злость. Уже в 1908 году написано великолепное по своей трагической впечатляемости стихотворение «Сынок».

Оно начинается так:

Есть у меня сынок-малютка,
Любимец мой и деспот мой.
Мелькнет досужая минутка —
Я тешусь детской болтовней.
Умен малыш мой не по летам,
Но — в этом, знать, пошел в отца! —
Есть грех: пристрастие к газетам
Подметил я у молодца.
Не смысла в буквах ни бельмеса,
Он, тыча пальчиком в строку,
Лепечет: «Лодзь, Москва, Одесса,
Валсава, Хальков, Томск, Баку...»
И, сделав личико презлое,
Нахмурясь, счет ведет опять:
«В Москве — цетыле, в Вильне — тлое,
В Валсаве — восемь, в Лодзи — пять...»

Что же подсчитывает малютка, пальчиком водя по газетным листам? Оказывается, жертвы террора, массовых казней. «И все растет, растет ужасный кровавый ряд!» Голос будущего Демьяна Бедного уже ясно слышен в этом стихотворении — в

убийственном сарказме, переходящем в гневное обвинение, в утверждении неминуемой кары палачам. Стихи были опубликованы только через три года после их написания, и то цензура сняла тринадцать последних строк, где говорилось о том, что мальчик вырастет грозным мстителем «и соберется полк несметный богатырей таких, как он». Впрочем, для читателя достаточно было и того намека, что содержался в строках:

Зловещих цифр кошмарной массы
Не постигает детский ум.
И отложил я прочь газету,
И прекратил я тяжкий счет.
Мал Петя мой. Задачу эту
Исполнит он, как подрастет.

Такие стихи вряд ли могли увидеть свет в 1908 году. Да и «Русское богатство» старательно избегало произведений, где слышался открытый призыв к борьбе. Всего четыре стихотворения за два года удалось напечатать Е. Придворову на страницах журнала. Со смертью Якубовича-Мельшина связи поэта с журналом вовсе оборвались — идейные расхождения стали слишком очевидны. Еще в 1909 году редакция отклонила, как несоответствующее направлению журнала, стихотворение «О Демьяне Бедном, мужике вредном». Все в нем — от прямого обращения к тому, о ком оно написано — к мужику, до речевых оборотов,

мужицких недомолвок («Ох, брат... Так, так») — звучало крамолой. А в последней строфе слышен неприкрытый призыв к бунту:

Стал барин чваниться, куражиться:
«Мужик! Хамье! Злодей! Буян!»
Буян!.. Аль не стерпеть, отважиться?
Ну ж, брат Демьян!..

Редакция «Русского богатства», отчасти сохраняя идеалы либерального народничества, отчасти покоряясь новым веяниям, исповедуя мелкобуржуазные иллюзии, смотрела в прошлое. Молодой Ефим Придворов глядел в будущее. Его творческая позиция неминуемо должна была привести его к тем, кто поднял знамя революционной поэзии пролетариата, — в лагерь рабочих поэтов. Стихи «О Демьяне Бедном...» были опубликованы в 1911 году в восемнадцатом номере большевистской газеты «Звезда» под рубрикой «Маленький фельетон». Ими началось сотрудничество поэта в большевистской печати. И они как бы возвестили о рождении певца пролетарской революции, незаменимого ее бойца — Демьяна Бедного. Имя героя стихотворения сначала стало прозвищем автора в товарищеском кругу, а затем и постоянным литературным псевдонимом поэта — славой и гордостью новой революционной поэзии.

Так кончились перепутья, так вышел поэт «на дорогу вожделенную»:

Мой ум — мужицкой складки,
Привыкший с ранних лет брести путем угадки...
И были для него нужны не дни, а годы,
Чтоб выровнять мой путь по маяку Свободы.
Избрав, я твердо знал, в какой иду я порт,
И все ненужное, что было мне когда-то
И дорого и свято,
Как обветшалый хлам, я выбросил за борт.
...Все взвешено. Пути иного нет...

(«Маяк»)

«С этого времени, — писал поэт о своем приходе в «Звезду», — жизнь моя как струнка. Рассказывать о ней — все равно что давать комментарии к тому немалому количеству разнокачественных стихов, что мною написаны».

Так он оценит свою жизнь десять лет спустя, в 1921 году. Когда он пишет эти строки, впереди еще многие (почти четверть века) годы жизни, и он пока еще не предвидит, какие неожиданные препятствия возникнут на его пути. Изнутри и извне. Ровная «струнка жизни» то будет ослаблена и провиснет, то окажется угрожающе натянутой до предела. Но в одном он прав: начиная с тех лет его жизнь — повседневный гигантский труд. И «все основное, чем была осмыслена и оправдана» его жизнь, «нашло свое отражение в том», что им написано с той поры до конца его дней.

3. «МОЙ «СИМВОЛ ВЕРЫ» — В МОИХ БАСНЯХ»

Особые условия легальной подцензурной печати требовали и особого оружия — оружия, которое метко поражало бы цель, обладало бы наибольшей убойной силой при собственной наименьшей уязвимости. Словом, было бы одновременно как бы и копьем и щитом и пришлось бы по руке самому бойцу. Такое оружие надо было выковать. И поэт его выковал. Это оружие — басня.

Демьян Бедный предреволюционной поры, Бедный эпохи «Звезды» и «Правды» — поэт-баснописец. «Мой «символ веры» — в моих баснях», — скажет он в письме к В. И. Ленину в феврале 1913 года¹. Он пишет и лирические стихи, исполненные гражданского пафоса. Но больше — басни, эпиграммы, фельетоны, сказки, агитки. И агитки приобретают как бы басенное обличье, поскольку в них спрятан намек. И они часто даже написаны дольником — басенным разноstopным стихом.

На фабрике — отравы.
На улице — расправа.
И там свинец, и тут свинец...
Один конец!

(«И там и тут...»)

---

¹ Вся переписка В. И. Ленина с Демьяном Бедным цитируется по статье А. Прямова «Певец революции» (Сб. «День поэзии», М. 1963, стр. 243—250).

Четверостишие напечатано в «Правде» в 1914 году в связи со случаем массового отравления рабочих на свинцово-белильных фабриках. Оно звучит как мораль, которой обычно заканчивается басня. И в то же время это агитка, почти лозунговая, в которой скрыт призыв к боевому отпору. Самые слова не несут в себе «криминала», призыв затаен в структуре стихотворения, в выражении, с которым всегда ассоциируется жест, жест отчаянной удали — «Один конец!»: надо биться, иначе все равно пропадать. Демьян Бедный не без основания считал агитку удачной и справедливо замечал: «Она — плод не только удачи, не только революционного напряжения, но и технической выучки. Я точно рассчитывал значение и место каждого слова». Подобная техническая выучка непосредственно связана с работой в жанре басни, с овладением особой формой художественного мышления — эзоповым языком, языком аллегории, намека.

Трудно даже перечислить те мишени, в которые направлял Бедный послушные стрелы своих басен и эпиграмм: в либерала-помещика, в министра государева, в капиталиста-заводчика, в кровопийцу-кулака, в соглашателей-меньшевиков, в эстетствующих литераторов-декадентов, в попов, в самодержца помещичье-буржуазной России.

Вот перед нами басня «Дом» Ей пред-
послан эпиграф, взятый из газетной хрони-
ки: произошел обвал в шестиэтажном доме
господина Торкачева, «вследствие того, что
большая часть дома построена из старого
кирпича». В басне говорится о хитром хо-
зяине, который пытался выдать старый дом
за новый, распуская слухи, что в «новом»
доме все с заморских образцов:

Хоть были голоса, вскрывавшие обман:
Снаружи, дескать, дом сырой, вчерашней
кладки,
Внутри же — весь прогнил, —
На новые позарившись порядки,
Жилец валил!..

А чтобы во «дворец» не лез простой народ,
Он рослых гайдуков поставил у ворот
И наказал швейцарам —
Давать проход лишь благородным барам,
Чинам, помещикам, заводчику, купцу
И рыхлотелому духовному лицу.

Не надо было обладать особой сообра-
зительностью, чтобы догадаться, о каком
доме шла речь в басне. О доме империи
Российской, который его «обладатель» пы-
тался обновить посулами «царского мани-
феста», пародиями на парламент в виде
Государственной думы. Концовка басни
могла заставить прозреть даже слепца:

Слыхали? Кончилась затея с домом скверно.
Дом рухнул. Только я проверить не успел:
Не дом ли то другой, а наш куда цел.
Что ж из того, что цел? Обвалится, наверно.

В 1919 году поэт припишет к басне «послесловие», где скажет не без гордости, что он «в двенадцатом году был недурным пророком». Да, конечно. И замечательным художником, ибо немалое мастерство требовалось, чтобы в обличье басенного дома так емко вложить все характерные приметы царской России после революции 1905 года. Намек в каждом слове, в каждом образе. Все бьет в цель. Даже то, что эпиграф взят из хроники реакционнейшего «Нового времени»: верноподданническая газета становилась как бы соучастником бунтовского выступления против обожаемого ею монарха.

Эпиграфы из хроники происшествий то и дело предваряют басни Демьяна, подчеркивая злободневность содержания, их направленность на разоблачение реакционной политики самодержавия, прямого классового врага.

«Государственный совет постановил увеличить до пятнадцати часов рабочий день приказчиков и лишить их праздничного отдыха». Поэт пишет басню «Хозяин и батрак», поднимая частный факт до художественного обобщения. Богатей Фома говорит батраку Ереме, надевавшемуся на праздничный отдых:

«Никак, доведь меня ты хочешь до разору?
Какие праздники ты выдумал, Фома?
Бес праздности тобой, видать, качает.

Смекай — коль не сошел еще совсем с ума:
Кто любит праздновать, тот не добром кончает.
Ты чем язвишь меня — я на тебя дизлюсь:

«Год богу не молюсь!»

А не подумал, Каин,

Что за тебя помолится хозяин?!»

«С.-Петербургское Общество призрения животных сообщило Пермской городской управе, что вешать бродячих собак — не гуманно. Удобнее пользоваться специальным удушливым газом». И поэт пишет басню «Гуманность», где Барбос и Трезор, обсуждая «приятную» новость, размышляют о гуманности вообще, припоминая, что «на Ленских приисках пустили кровь рабочим... без виселиц, без газу, а живота лишить сумели город сразу!».

Басня Бедного — это одновременно и политический фельетон, жанр фельетона она вобрала, растворила в себе. К каким бы аллегориям он ни прибегал — брал ли в качестве «действующих лиц» животных, или предметы, или извечных басенных Фому и Ерему, или даже просто либерала-помещика, не надевая на него маски, — его басенная мораль всегда классовая и злободневно целеустремленна. Иносказательность его басен довольно относительна. Вот, к примеру, басня «Добряк»:

Какой-то филантроп, увидевши с крыльца
Изнеможенного оборвыша-мальца,

Лежащего средь цветника вразяжку,

Воскликнул: «Жалко мне, дружок, измятых роз,

Но больше жаль тебя, бедняжку.

Скажи, зачем ты здесь?»

«Ах, — отвечал сквозь слез

Малютка голосом, исполненным страданья, —

Я третий день... без пропитанья!..

И здесь я рву...

И ем... траву!»

— Траву? — вскричал добряк, разжалобившись
пуше. —

Так обойди же дом и поищи во рву:

Там ты найдешь траву куда погуще!

Кстати, в первопечатном тексте басня заканчивалась «моралью», в которой прямо назывались «добряки» — лидер буржуазно-монархической партии «октябристов» Гучков и лидер партии кадетов Милюков. Но сила басен Бедного именно в том, что, метя и в реальную политическую фигуру, он поднимался до художественных обобщений. Он рисовал социальный тип, разоблачал социальную сущность явления. Его басни — это галерея живых, неумирающих образов, в которых заклеяны буржуазное лицемерие, соглашательство ложь и ханжество, эксплуататорская мораль.

Яркий, типический портрет капиталиста создает поэт в басне «Хозяин». Социальная суть образа здесь раскрывается через индивидуальный характер русского хозяйчика-кулака, богобязненного ханжи и ненасытного кровососа. Он не так страшен, как

мерзопакостен и смешон, он возбуждает презрение.

Национальное в баснях Демьяна Бедного не только в их языке, в структуре живой, народной речи, но и в характере самих образов. Объекты его сатиры — русские помещики, русские кулаки. Его капиталисты и его либералы несут в себе типичные черты русской буржуазии, трусливой и холопской, готовой пойти на соглашение с царем, спасающейся под защитой царской полиции и армии от нарастающего революционного движения масс. Герои его басен — русские мужики и батраки, русские топор, соха, рожок. Большой художник всегда национален, и сила его в том, что он раскрывает читателю «общечеловеческое» через его проявление в национальном.

Демьян Бедный создает свои басни в годы подъема революционного движения пролетариата, в предчувствии неминуемой победы революции. Отсюда и смелая прямота, прозрачность аллегорий, дерзкая недвусмысленность намеков. Отсюда тот уверенный тон, с каким, к примеру, рожок говорит кларнету: «То так, нам графы не сродни. Одначе помяни: когда-нибудь они под музыку и под мою запляшут!»

Самая мораль, нравоучение его басен направлены к одной цели. Он вовсе не намеревается исправлять так называемые «общечеловеческие» пороки. Это та новая,

пролетарская мораль, проповедь той нравственности, которая служит, как говорил Ленин, для того, «чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда»¹.

Басня Демьяна Бедного — басня, созданная человеком с новым пролетарским мировоззрением. И в то же время, как на всем творчестве Демьяна Бедного, в ней сказывается индивидуальность автора, его мужицкое происхождение, которое он не раз подчеркивал. «С мужиками — мужик, по-мужицки беседую», «...В блужданиях по свету я сохранил себя природным мужиком». Плотность словесной основы его басен — в яркости, простонародности их языка, самоцветного родного слова, силу и гибкость которого он постиг в совершенстве. Его басне свойственны не только склад и меткость крестьянской речи, но и грубоватость ее. Сама образная система тяготеет к крестьянскому мироощущению. Сапог и лапоть, кларнет и рожок, дворянская шпага и крестьянский топор представляют собой противостоящие и противодействующие силы. На первых порах это крестьянское, мужицкое сказывается особенно отчетливо. Одна из первых басен «Когда наступит срок...», написанная в 1911 году, заканчивается строками:

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 313.

Ему (топору. — А. М.) крестьянский люд обязан
всем добром,
 И — коль на то пошло — скажу: лишь топором
 Себе добудет он и счастье и свободу!

Солдатский штык не только не принимается в расчет как орудие борьбы, напротив, он аттестован как «слуга верный» шпаги, ее «сосед по стене», «ему — кто подвернись, хотя бы мать, отец, приказано — конец: знай колет!». Нет, поэт не всегда был дальновиден, и через шесть лет к этой басне ему придется дописывать целое послесловие о том, что «штык шпаге изменил», но и тут он все же сохранит до поры веру в мужицкий топор, на случай, «если «господа», к примеру, мужиков землей и волею лишь по губам помажут». А за этой припиской последует еще одна «про молоток рабочий». Вообще топор, как наиболее надежное оружие, пройдет через многие стихи Демьяна Бедного, невольно выдавая родовой корень их автора. «В последний раз с дворянской тонкой шпагой скрестили мы наш боевой топор», — напишет он и в 1919 году в стихотворении «Набат».

Вот, кажется, и все то основное, что составляет особые признаки басен пролетарского поэта в отличие от басен его предшественников, с разговора о которых обычно начинают характеристику басен Демьяна Бедного. Это не значит, что его басни родства своего не помнят. Басня

Демьяна Бедного возникает как закономерное развитие сатирических традиций великой русской литературы прошлого. Никто этого не понимал так, как сам Демьян Бедный. Прочтите его статью «Честь, слава и гордость русской литературы». Она посвящена Ивану Андреевичу Крылову. И эпиграфом к своему первому сборнику «Басни» он также поставит крыловскую строку: «Таких примеров много в мире — не любит узнавать себя никто в сатире».

По словам Демьяна Бедного, народ всегда видел и любил в Крылове «своего родного заступника, который в некоторых случаях отваживался так дерзить народным угнетателям, что только диву даешься...». Хотя эти слова написаны в 1944 году, с полной уверенностью можно сказать, что такое народное понимание творчества великого баснописца было свойственно Бедному и в то время, когда он брал на свое вооружение именно басню как оружие сатиры, и как такой вид сатиры, к которому наиболее восприимчив народный читатель, которая, так сказать, и в духе и во вкусе народа.

Но только ли Крылов был предшественником басни Демьяна Бедного? Конечно, нет. В ней легко угадывается и та «школа гнева», которую русская сатира прошла под пером Щедрина и революционных демократов, поэтов «Искры» и

«Свистка», и тот политический накал, какого достигла русская сатира в лучших образцах революционной сатиры в 1905 году. И поэтому Бедный мог не без основания свои взаимоотношения с великим баснописцем определить так:

Я — ученик его почтительный и скромный,
Но не восторженно-слепой.
*Я шел иной, чем он, тропой,
Отличный от него по родовому корню,
Скотов, которых он гонял на водопой,
Я отправлял на живодерню.*

Нельзя признать удачным тот образ, который в полемическом запале применил поэт, характеризуя отношение Крылова к объектам его сатиры (какой уж тут водопой!), но свое отношение к этим объектам он выразил верно. Интуицией большого поэта он угадал оружие, которое в определенных обстоятельствах могло дать наибольший эффект, будучи наименее уязвимым для цензуры и наиболее доступным восприятию широких кругов читателей, ибо басня:

С народным творчеством она в родстве не
малом.

И это я имел в виду,
Когда в двенадцатом году,
*Ища кратчайшего пути к народным массам,
Им в баснях ненависть внушал к враждебным
классам.*

И можно ли забыть, чьим гением она
Была тогда оценена?

(«В защиту басни»)

В мае 1913 года в связи с выходом первого сборника поэта В. И. Ленин писал А. М. Горькому: «Видали ли «Басни» Демьяна Бедного? Вышлю, если не видали. А если видали, черкните, как находите»¹.

4. ШКОЛА ИЛЬИЧА

Мы не знаем прямого ответа Алексея Максимовича на этот вопрос. Много-много позднее Горький вспомнит свой разговор с Лениным о Демьяне Бедном и определит отношение Ленина к поэту так: «Усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного, но говорил:

— Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди»².

Разговор этот произойдет в первые послереволюционные годы, когда в поэзии Демьяна Бедного тенденция использовать одни и те же выработанные им приемы, прямолинейность подхода к освещению темы, ориентировка на читателя, чей культурный уровень недостаточно высок, становятся приметными пока еще лишь для очень острого и заботливого взгляда. И Ленин пронизательно подметит опас-

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 66.

² А. М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 17, Гослитиздат, М. 1952, стр. 45.

ность, подстерегающую поэта. Но вряд ли следует формулу «идет за читателем» распространять на все периоды творчества Демьяна Бедного, и к тому же, как это нередко делают критики, выхватывать из переданных Горьким ленинских замечаний только вторую часть высказывания, опуская весьма важное вступление: «Усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного...»

С первых шагов Демьяна Бедного в большевистской печати Ленин зорко приметил и оценил работу поэта и заботливо стремился оберечь, создать условия для развития и совершенствования его таланта.

Талант — это слово в отношении Бедного дважды повторил Ленин в известном письме в «Правду», когда между поэтом и редакцией создались ненормальные взаимоотношения, возник какой-то конфликт. И Ленину пришлось вмешаться. В том же мае 1913 года, когда он сообщил Горькому о выходе книжки Бедного, он написал в редакцию газеты: «Насчет Демьяна Бедного продолжаю *быть за*. Не придирайтесь, друзья, к человеческим слабостям! Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет на вашей душе, большой грех (во сто раз больше «грехов» личных разных, буде есть таковые...) перед рабочей демократией, если вы талантливому сотруднику не притя-

нете, *не поможете* ему. Конфликты были мелкие, а дело серьезное. Подумайте об этом!»¹

Слово «не поможете» дважды подчеркнуто Лениным. *Помочь таланту* — вот о чем заботился Ленин.

Предреволюционная большевистская печать многим обязана Демьяну Бедному, однако и он обязан ей тем, что стал большим поэтом, поэтом революции. В 1912 году он вступает в партию. Сотрудничество в «Звезде» и в «Правде» было для него той большевистской школой, которая помогла ему выработать устойчивое классовое мировоззрение, придать верное направление поэтическому таланту.

Демьян Бедный шел к рабочему «от мужика», что он сам подчеркивал. В 1913 году он писал литературному критику Мирецкому: «...знаете ли, я в подсознательную работу начинаю сильно верить. Иначе многого не объяснить. Откуда появилась такая-то мысль? Такой-то образ? Вы, например, думаете, что я чуть ли не фабричный рабочий. А я только один раз бежал мимо завода, когда за мною в Елисаветграде гнались черносотенцы с завода Эльворти... Я рабочих постигаю, стало быть, не весьма понятным образом, на лету, то там, то здесь. Я думаю, что полюбили они

---

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 35, стр. 68.

меня как своего потому, что все они — по существу, по крови — «мужики», а уж мужицкой закваски во мне — вдосталь. Вы это «мужицкое» почти уловили во мне. Я иду к рабочему «от мужика».

В этих словах большая правда и о русском рабочем, и о самом себе.

«Моею басенной пристрелкой руководил нередко Ленин сам», — писал с гордостью поэт. И эти слова не следует понимать только в смысле, так сказать, общего идейного руководства. В письме к тому же Мирецкому поэт, например, сообщает, что басня «Честь» «редакцией «Правды» послана на окончательное суждение за границу Ленину». Ленин помогал Бедному в его поэтической работе конкретно.

И это благодаря Ленину был в конце концов ликвидирован тот конфликт, о котором говорилось выше. Содержание этого конфликта пока еще окончательно не выяснено исследователями. Одни полагают, что он был спровоцирован засланным в редакцию царской охранкой Мироном Черномазовым, другие — что конфликт возник еще раньше. Возможно, без царской охраны не обошлось, тем более что она пыталась арестовать неугодного правительству поэта, но вынуждена была отпустить его, не обнаружив никаких улик. Не надо забывать также, что редакция «Правды» не была однородной, некоторые сотрудники скло-

влялись к примиренчеству с меньшевиками-ликвидаторами, которых поэт подвергал беспощадной критике. Этим людям, несомненно, хотелось освободиться от нежелательного им большевистски настроенного сатирика. Они умело использовали в своих целях «трудные» черты характера Бедного: его темперамент, прямоту. В результате разного рода мелких интриг поэт был отстранен от работы в «Правде». Разрыв с газетой причинил ему безмерную боль.

15 ноября 1912 года он обратился к Ленину с личным письмом. Ответ был получен незамедлительно — 5 декабря. «Мы были очень огорчены Вашим временным уходом из «Правды» и очень обрадованы возвратом, — писал Владимир Ильич. — ...написали бы поподробнее и о себе, и о теперешней редакции «Правды», и о ведении самой «Правды», и о ее противниках, и о «Луче» и т. д.»

Завязалась переписка. Материалы этой переписки лишь недавно стали доступны нашим исследователям. Ленин проявил заботу не только о судьбе поэта, но одновременно и о его политическом воспитании, запрашивая попутно о его отношении к махистам и меньшевикам, указывая на необходимость «коллегиально-марксистских способов действия» в редакции, практического участия в редакционной работе.

По ответным письмам Демьяна Бедного видно, как ласковое внимание Ленина помогает ему преодолеть боль и несправедливую обиду, как начинает в этих письмах проступать живая, искренняя влюбленность в Ильича.

«Милый, хороший Ильич! — пишет он 12 февраля 1913 года. — Перечитал я еще раз Ваше письмо: сколько горячности, бодрости, рвения! Разные мы люди с Вами, я уже люблю Вас как свою противоположность. И мне так грустно: в ответ на Ваш фейерверк я посылаю такую холодную жижицу...»

И в следующем письме от 25 февраля: «Пишу Вам, как влюбленный; каждый раз прилагаю «патрет». Ах, дядя! В сем виде я был на днях ввержен в узилище...¹ Ради бога, не сердитесь на меня никогда за раздражительные слова в письмах. Я перед Вами — как перед собою. Мне было очень приятно узнать... что Вы относитесь ко мне любовно».

И наконец, в апреле — мае 1913 года Бедный пишет: «Пришлите мне свой «патрет»... Говорят, Вы — «хороший мужик». Это очень хорошо: мужик. И я вот — му-

---

¹ Видимо, речь идет о фотографии. «Ввержен в узилище» — Д. Бедный был арестован 13 февраля 1913 года на улице с будильником в кармане. При обыске шпика приняли часы за бомбу. Этот эпизод описан Д. Бедным в фельетоне «Будильник».

жик. И чертовски хотелось бы Вас повидать. Наверное, Вы простой, сердечный, общительный. И я не покажусь Вам тяжелым, грубым. Правда, Вы не икона? Ваш Д. Б.»

Письма Бедного к Ленину — редкостный документ, позволяющий нам глубже постичь сложную натуру поэта. В том, как он рассказывает о своих горестях, как восторженно радуется вниманию к своей работе, как отстаивает свое право на «писательство», как сетует на уже отправленное «несуразное» письмо, перед нами раскрывается характер глубокий и сложный. Как обаятельно светятся его письма детским простодушием и сердечной добротой, как трогательно это стремление не уронить собственного достоинства, как располагает к нему это его неприятие людей, пытающихся сделать из себя икону. Дорого ему обойдется через четверть века такое иконоборчество.

В лице Ленина поэт обрел учителя, наставника и друга. В. И. Ленин был первым, кто по-настоящему оценил смысл поэтической работы Демьяна Бедного, его незаменимость в условиях революционной борьбы. И первый понял его по-человечески, душевно, как натуру поэтическую, легко воспламеняющуюся, самолюбивую и легко ранимую.

Личное знакомство в месяцы, предшествовавшие Октябрьской революции, способ-

ствовало укреплению взаимного расположения и постоянного общения между вождем революции и ее певцом. Из воспоминаний Вл. Бонч-Бруевича о первых днях революции мы узнаем, что, когда появились «новые революционные произведения поэта, Владимир Ильич сразу понял значение Демьяна Бедного в предстоящей борьбе» и, когда зашла речь о привлечении его к административной работе, сказал: «Оставьте его... Ему не хочется... А пишет он хорошо... Нам это нужно... Пускай пишет... Это будет его революционной работой». Ленин не забыл, что еще в 1913 году Бедный писал ему: «к реорганизаторской работе... я не приспособлен», считая «писательство» своим основным делом.

Вл. Бонч-Бруевич вспоминает также, что Ленин не раз писал «поощрительные и хвалебные письма» в адрес Демьяна Бедного, «характеризовал его произведения как весьма остроумные, прекрасно написанные, меткие, бьющие в цель»¹.

К сожалению, тот период, когда поэт часто общался с Лениным, жил и работал в Кремле, еще освещен мало. Надо надеяться, что появятся наконец воспоминания, приоткрывающие завесу и над этим периодом жизни поэта.

---

¹ Цит. по статье А. Прямова в сб. «День поэзии», М. 1963, стр. 249.

Однако можно с полным основанием утверждать, что их личные взаимоотношения носили доверительный и сердечный характер. И Ленин относился к поэту чутко и любовно. Известен такой, к примеру, эпизод. Под Новый 1920 год Демьян Бедный после Ленина выступал на праздничном собрании в Бауманском районе. Поэт говорил о Ленине. Думая, что Ленин уже уехал на другое выступление в Рогожско-Симоновский район, он, почувствовав сердечное расположение рабочей аудитории, построил свою характеристику Ленина весело, празднично, с легким любовным юмором. Аудитория покатывалась со смеху. Возможно, она заметила то, что не видел увлекшийся оратор: стоящего в дверях в накинутом на плечи пальто Ленина. «Велико было мое смущение, — пишет Д. Бедный, — когда я, выходя из бурно рукоплескающего собрания, напоролся на смеющегося Ильича». При этом Ленин, «расхвалив невероятно» речь, тут же предложил повторить ее на другом собрании — в Рогожско-Симоновском районе.

Дружеское, ободряющее отношение Ленина к поэту, постоянное общение с ним, несомненно, и способствовали тому взлету, той интенсивности, той силе, каких достигает могучая муза Демьяна Бедного в пору его расцвета в 1918—1925 годы.

Ленинский авторитет, мнение Ленина были для поэта непререкаемыми. В его стихах мы находим такие строчки, полные безоговорочного признания ленинской правоты:

Кто скажет мне, что я — обманщик?
Я просто слишком был ретив.
Но я, однако, не шарманщик,
Чтоб сразу дать другой мотив.
И все ж, коль мне Ильич порою,
Встревоженный моей «игрою»,
Грозит в окно: «Смири свой нрав»,
Он, как всегда, я знаю, прав.

(«Моя отставка»)

Сокровенное поэта ни в чем так не проявляется, как в стихах, которые носят характер сугубо лирический, становятся признаниями, вырвавшимися из сердца. И не случайно стихи Демьяна Бедного о Ленине — «Снежинки», «Никто не знал» проникнуты глубоким сердечным лиризмом. Они не только принадлежат к лучшим творениям поэта, но и в мировой поэтической лениниане — подлинные перлы поэзии.

С каким щемящим чувством передано в «Снежинках» закованное «тоскою ледяною безмолвие убогих деревень» в день проводов вождя в последний путь, каким скорбным величием и силой веет от картины той мужицкой России, что еще «в лаптишках и опорках» за Лениным утаптывала путь. И как искусно в стихотворении «Ни-

кто не знал...» великолепно выписанная жанровая картинка старой России прорезана, разорвана, как молнией, последним четверостишием:

Никто не знал, Россия вся
Не знала, крест неся привычный,
Что в этот день, такой обычный,
В России... *Ленин родился!*

Перечитайте эти стихи, и вы поймете, кем был для сердца поэта великий Ленин, сколь благодарен поэт Ильичу, чей образ был с ним неотступно.

Б. «БОЛЬШЕВИСТСКУЮ ВОЛЮ — В КАЖДУЮ СТРОКУ»

Любая попытка размежевать агитационное и поэтическое значение творчества Демьяна Бедного окажется тщетной. Поэт и агитатор слились в нем воедино. В своем понимании назначения искусства он являет собой пример натуры цельной и постоянной. Его художественные взгляды и принципы отличались полной определенностью и не подвергались особым изменениям и ломке. У него действительно ум «мужичьей складки» — упорный и упрямый, верный в своих приверженностях. Его творчество как бы отразило в себе волевое сосредоточенно-собранное устремление к единой цели — низвержению старого мира и строи-

тельству нового. Вне этой цели для Демьяна Бедного не существует поэзии. А поскольку агитация — действенное и насущно необходимое средство к достижению этой цели, — значит, поэзия должна стать агитационной. Равно как и агитацию надо сделать поэзией. И поскольку движущими силами революции являются пролетариат и крестьянство, — значит, поэзия должна служить им, и только им, вырабатывая в себе качества, обеспечивающие доступность самым широким массам, миллионному читателю.

На чем стоял, на том стою
И, не прельшаяся обманной красотой,
Я закаляю речь, живую речь свою,
Суровой ясностью и честной простотой.
Мне не пристал нагульный шик:
Мои читатели — рабочий и мужик.

(«О соловье»)

Это написано в 1924 году. Но то, на чем он стоит — его литературные убеждения, — сложились значительно раньше и отлились в столь категорические формы, что останутся неизменными всю его творческую жизнь.

Убеждения эти не могут быть поняты вне эпохи и вне тех задач, которые стояли перед русским пролетариатом в эпоху революционного действия, беспощадной борьбы со старым миром, мобилизации всех душевных сил на достижение цели.

Время боя, решительного боя, когда не просто отступает на задний план, а прямо-таки исчезает из кругозора, из восприятия, из сердца все, что не имеет прямого отношения к победе. Время, которое нам сейчас нелегко представить, но психологию которого можно, в частности, понять, если читать без предубеждения стихи самого Демьяна Бедного, ставшие как бы летописью этих дней. Более того, в нем, как в личности, отразилось умонастроение бойца, великого в своей отчужденности от всего, что не относится к делу победы пролетариата и его задачам. А одной из главных задач пролетариата было увлечь и повести за собой на штурм капитала и на строительство новых форм жизни многомиллионные массы крестьянства. Отсюда стремление выработать и использовать такие поэтические средства, которые бы оказались наиболее действенными и доходчивыми. Это отнюдь не было вульгарным равнением на читателя, ибо в доходчивых художественных формах поэт нес ему новое мировоззрение. Его поэтическая работа в большевистской «Звезде» и «Правде» была повседневным участием в бою на передовой линии огня. «...Для поэта, — писал он, — поскольку его стихи являются его делом, приятнее, полезнее и почетнее своими стихами участвовать в революции, нежели писать стихи о революции. Участвовать в революции — это

значит выполнить любое задание революции, не брезгуя никакой темой и формой...» Эта его творческая позиция бойца, готового выполнить любое задание, определяла и его художественные взгляды, за которые он вел борьбу. Неустанно. Непримиимо.

Подытоживая свой опыт, он говорил: «Я сделаю здесь ударение на двух марксовских установках: «на *«единстве цели»* и на *«борьбе»*, поскольку в этих установках заключена революционная динамика. Без такой динамики не может быть революционного пролетарского писателя. Может ли пролетарский художник, не имея единства цели с нашим революционным рабочим классом, не участвуя непосредственно в героической его борьбе за достижение этой цели, не включивши себя целиком и полностью в передовые ряды строителей социализма, в ряды борющегося класса, в его авангард, в коммунистическую партию, не будучи, точнее, целеустремленным большевиком-партийцем, может ли, говорю я, пролетарский писатель-художник быть в таком случае пламенным и художественным агитатором за самые передовые идеи самого революционного класса.

Нет, нет и нет! Это надо помнить твердо всего».

Выдвинутый еще в 1905 году Лениным принцип партийности литературы стал для Демьяна Бедного двигательной, одухотво-

ряющей силой его поэзии, основой его художественных верований и убеждений. К проблемам искусства он подходил с позиций воинствующей партийности, обращаясь к ним неоднократно, проповедуя свои эстетические взгляды прежде всего средствами стиха. В этом он схож с Маяковским. Из стихов об искусстве поэзии у того и у другого легко извлекается стройная эстетическая система. Ранний Маяковский весь в исканиях, в пылу формотворчества: «Улица корчится безъязыкая, ей нечем кричать и разговаривать», «Дайте нам новые формы!» — несется вопль по вещам».

Демьян Бедный верен заветам классического русского стиха:

На ниве черной пахарь скромный,
Тяну я свой нехитрый гуж.
Претит мне стих языколомный,
Невразумительный к тому ж.
Держася формы четкой, строгой,
С народным говором в ладу,
Иду проторенной дорогой,
Речь всем доступную веду...

(«Вперед и выше!»)

В эту всем доступную речь, в традиционные формы он вливает новое содержание, и оно обновляет самые формы, невиданно расширяя их возможность вбирать, поднимать, освещать вопросы огромной общественной значимости. Его дерзкое новаторство сказывается именно в смелом исполь-

зовании всего многообразия форм русского классического и народного стиха для решения новых поэтических задач. Главное при этом — стремление к ясности и доходчивости поэтической речи, изобразительно-выразительных средств стиха. «В нашей простоте — сознание нашей силы, силы нашего класса». В подмеченной Бедным взаимозависимости поэтической ясности и передового мировоззрения, составляющего силу рабочего класса, есть, несомненно, большая правда. Он любил повторять слова Пушкина о Баратынском: «верность ума, чувства, точность выражения, вкус, ясность и стройность...»¹ Никогда не прибегал он к шарлатанству, преувеличению ради большего эффекта. «Поэт, — писал Бедный, — преувеличивающий свои средства и возможности, форсирующий свой голос, он не поет, а кричит, визжит, у него появляется какой-то истерический, неврастенический фальцет, который легко может переходить в фальшет».

Поэзия Пушкина была для него непревзойденным образцом. К образу Пушкина он обращался в своих стихах («Гений и пошлость», предисловие к «Гавриилиаде»), утверждая прямую преемственность революционной советской поэзии от пушкин-

---

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в десяти томах, т. VII, АН СССР, М. — Л. 1949, стр. 82.

ского творчества, равно как и от «второго основного гения нашей поэзии» — Некрасова.

Некрасов и Пушкин — «наши современники», — говорил он на Первом съезде писателей в 1934 году.

Эстетические воззрения складываются у Бедного в пору, когда в русской поэзии временно как бы торжествуют совершенно противоположные взгляды на роль и задачи искусства и теоретики декадентства остервенело нападают на традиции гражданской поэзии, проповедуя теории «чистого» искусства, «искусства для искусства», выдвигая лозунги беспартийности. А под этим флагом пышно расцветают в буржуазных журналах «мещанская пошлость и гнусность», поются гимны индивидуализму, восхваляются предательство и блуд.

Бедный непримирим в борьбе с теоретиками буржуазного искусства. В язвительном фельетоне «Их лозунг» он обрушивается на Андрея Белого, «пресловутого горемычного барда и сумбурного теоретика российского чахлого символизма». В стихотворении «Эстетик» высмеивает тех, кто провозглашает: «Долой политику! Да здравствует эстетика!»

В послереволюционные годы он поведет неустанную борьбу за пролетарскую поэзию — «мускулы и костяк советской поэзии», занимая ленинские позиции в борьбе с Пролеткультом, пропагандируя

заветы Ленина об искусстве, отстаивая принципы боевой гражданской поэзии.

Рабочие, крестьянские поэты,
Певцы заводов и полей!
Пусть кисло морщатся буржуи... и эстеты!
Для люда бедного вы всех певцов милей,
И ваша красота и сила только в этом.
Живите ленинским заветом! —

писал он в 1924 году в басне «О соловье».

Его презрение к эстетам и эстетствующим, поднявшим голову в период нэпа, к тем, кто «всякие разводят вавилоны» в «литературных советских «салонах», непреходяще. Это здоровая, созидательная ненависть к тем, кто хочет лишить искусство его общественной роли, превратить мощное средство объединения людей в средство разъединения, загнать человека в камеру духовного одиночества, утопить в болоте «литературщины гнилой».

Как всякий оригинальный художник, Демьян Бедный в своих воззрениях на роль и задачи искусства утверждает прежде всего свой опыт. Однако категоричность его суждений вовсе не означала нетерпимости. «Я помню, — говорил он, — что поэт Гете, когда его упрекнули, почему он отмалчивается и не выскажет открыто своего отрицательного мнения о таком-то вот поэте, он — Гете — ответил: «Я не настолько безрассуден, чтобы это делать. У каждого, даже самого плохого поэта, имеются свои

поклонники и друзья. Зачем же я стану превращать их в моих врагов?» Лично я не щажу — и никогда не пощажу — политического врага, безразлично, пишет ли он прозой или стихами. Но в чисто поэтическом отношении я стараюсь избежать нетерпимости. Я думаю, что в таком большом саду, как литература нашего Советского Союза, все певчие птицы могут свободно петь своими голосами. Лишь бы пели то, что нам нужно. Лишь бы это были наши певуны и наши песни. Лишь бы это были настоящие певцы без фальши».

Всегда ли он придерживался этого золотого правила? Увы, не всегда. Необузданная горячность, бывало, толкала его на какой-нибудь очередной поход против «попутчиков», за что в свое время не без основания упрекал его Воронский. Бедный и не скрывал своих личных пристрастий, своих симпатий к тем поэтам, «которые способны мобилизоваться с боевой быстротой, потому что они прежде всего бойцы... Они своими стихами участвуют в классовой борьбе, в поединке двух миров.

Вся моя тематика, все то бесконечное количество форм, которыми я пытался пользоваться, посвящены исключительно этому поединку».

И, признавая право на существование «лирических соловьев», все же с гордостью, а не с огорчением говорил, что он «не этой,

не птичьей породы. У лириков — соловьиные языки. А я принадлежу к породе крепкозубых. Я к тому же сатирик. У меня бивни... Искусство владеть ими приобретено не малое, и я не перестаю их подтачивать».

В оценке собственных возможностей и своего вклада в поэзию он удивительно трезв, преувеличивать своих достоинств не склонен, но уж и преуменьшать смысла своей работы не намерен.

Еще в 1912 году, утвердись в своем призвании и назначении, он пишет Мирецкому: «Я считаю, что всякий талант (хоть такая мелюзга, как мой) должен показывать свою силу и самооценку, идя «напролом». Всякий талант — дерзок, всякий талант — завоеватель. Я отмежевал маленькое-маленькое место. Но в этом месте нет никого выше меня». А спустя пять лет, когда меньшевистская газета «Новая жизнь» заявит, что она «не одобряет» стиля «мужика вредного», он ответит стихотворением «Стиль»¹, своего рода манифестом, где и его исповедание веры художника, и самооценка так непрерываемо ясны:

Пою. Но разве я «пою»?

Мой голос огрубел в бою,

И стих мой... блеску нет в его простом наряде.

Не на сверкающей эстраде

---

¹ В последующих публикациях поэт назвал его «Мой стих».

Пред «чистой публикой», восторженно-немой.

И не под скрипок стон чарующе-напевный

Я возвышаю голос мой —

Глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный.

Наследья тяжкого неся проклятый груз,

Я не служитель муз:

Мой твердый, четкий стих — мой подвиг

ежедневный.

Родной народ, страдалец трудовой,

Мне важен суд лишь твой,

Ты мне один судья прямой, нелицемерный,

Ты, чьих надежд и дум я — выразитель верный,

Ты, темных чьих углов я — «пес сторожевой»!

И в начале 30-х годов, когда его творчество окажется в поле критической пристрелки, он с достоинством скажет:

Я знаю, какие мне скромные средства

Природой отпущены с детства.

Но при таких средствах — поистине

скромных —

Результатов порой достигал я огромных.

Достигал не всегда:

Писал я неровно,

Но я в цель иногда

Попадал безусловно.

(«О писательском труде»)

Излюбленный им стих — это вольный стих, стих разноstopный, передающий речевую интонацию, простонародно-лукавую. И здесь у него нет соперников.

«О стихотворном размере, которым я частенько пишу, говорят некоторые «знатоки», что это ни стихи, ни проза, а так — раешная скороговорка. Я эту скороговорку, столь пренебрегаемую литературными ба-

рами, но почему-то особенно любимую народом, вывожу умышленно на первое место. Довольно уж ее подержали в черном теле! Один только Пушкин гениальным чутьем уловил ритм и динамику размера, которым он написал знаменитую «Сказку о попе и о работнике его Балде»... Тут Пушкин, несомненно, был близок к разгадке нашей народной ритмики. Я думаю, что именно здесь выкристаллизуются ритмы будущего. Размером сказки о Балде мог только Пушкин так уверенно писать».

Такой раешный стих, преимущественно сатирический, изобилующий прибаутками, народными речениями, игрою созвучий, блестяще освоен Бедным, интонационно обогащен им.

В годы расцвета таланта Бедного вольный стих под его пером льется непринужденно, поражая прихотливыми ритмическими переходами, сочностью языка. Он блестяще использовал не только средства такого стиха, идущего в своих ритмах от народной поговорки, складки, загадки, сказа, но и любую стихотворную форму, рожденную или бытующую в народной среде — частушку, песню.

Одновременно в своей публицистической лирике он мастерски использовал и развивал патетический стих с его высокой лексикой, продолжающий традицию гражданской лирики Пушкина и Некрасова.

И успешно применял классические размеры в своих стихотворных повестях.

Освоение поистине «бесконечного количества форм» давалось ему, видимо, не так уж легко и просто. Не случайно в своих стихах о стихах, вызванных всегда необходимостью полемики с литературно-идейным противником и потому предельно категоричных в утверждении взглядов автора, так много говорит он о писательском труде. «Кто хочет и мудро писать и напевно, тот чеканит свой стиль ежедневно»:

Заявляю прямо и раз навсегда
Без ломания
И без брюзжания:
Весь я — производное труда
И прилежания.
Никаких особых даров.
Работал вовсю, пока был здоров.

(«О писательском труде»)

Это, конечно, преувеличение: никакое прилежание не возместит отсутствия таланта, и одним прилежанием нельзя объяснить «всего громадного облика Демьяна Бедного», как однажды выразился о поэте Маяковский¹. Но сам Демьян в этом утверждении искренен, он менее всего склонен почитать «божественный дар», полагаться на мгновения, рождающие «прозре-

---

¹ В. Маяковский, Полн. собр. соч. в тринадцати томах, т. 12, Гослитиздат, М. 1959, стр. 270.

ний дивный свет» (С. Есенин). В своем определении вдохновения он близок к Пушкину, утверждавшему, что «вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно и объяснению оных»¹. Ярый атеист, Д. Бедный термин *душа*, конечно, не мог принять даже в образном понятии. Он говорил так:

«Где кончается работа рассудка и начинается вдохновение? Я скажу, что работа рассудка никогда не кончается. Вдохновение есть только наибольшее, как бы сказать, обострение, просветление, прояснение рассудка. Вдохновение — наивысшая, быть может, иной раз предельная трезвость мысли».

И, обращаясь к молодым писателям, утверждал: «Самое высокое вдохновение может остаться немым, безгласным, будучи связано отсутствием технической выучки. Но эта выучка приобретается *непосредственно в работе*. Работайте, пишите коряво поначалу, но пишите... Только так вы укрепите и вытренируете свою художественную мускулатуру до такой степени, что в любой момент окажетесь боеспособными».

И сам он в своем творчестве явил пример того, как вытренировавший свою мус-

---

¹ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в десяти томах, т. VII, АН СССР, М. — Л. 1949, стр. 57.

кулатуру художник может виртуозно овладевать новыми средствами стиха, менять поэтическое оружие в зависимости от изменившихся условий и обстоятельств политической борьбы.

6. «У КАЖДОЙ ПОРЫ — СВОИ ПЕСНИ»

В годы империалистической войны Демьян Бедный вынужден был попридержаться жалиющий язык своей поэзии.

Большевистские газеты были закрыты. Буржуазная печать захлебывалась в угаре шовинизма, проповедуя войну до победного конца. Литературные эстеты и «бытописатели российского болота преобразились в Тиртеев» — песнопевцев войны. На время поэт лишился всякой трибуны. В самом начале войны он был мобилизован и послан фельдшером в действующую армию.

Свою поэтическую работу он не прекращал и будучи на передовой. Сохранился оригинал его забавной антивоенной басни «Скупой черт» («Анчутка-заимодавец»). На полях листка — запись, свидетельствующая о том, что и под огнем его не покидало присутствие духа и склонность к самонаблюдению: «19, 14. II. 15 г. 11 час. утра. В двадцати шагах разорвалась бомба... Вместо испуга я охвачен радостью, как и все, кто со мной остался жив».

Присылаемые с фронта произведения не сразу стали появляться в печати. В первом году войны увидело свет только одно стихотворение Бедного — басня «Пушка и соха». Отношение поэта к империалистической войне в нем выражено и образно-речевой обрисовкой «характеров» заносчивой и наглой пушки и вековой работницы и кормилицы — крестьянской сохи, и непосредственно — в заканчивающем басню призыве к читателю:

Привет мой пахарям, борцам за человечность!
Привет мой мирному — культурному — труду.

Благородный призыв поэт отлил в строки, полные величавой торжественности. С полным основанием строки эти можно отнести к тем высоким образцам стиха, что «звучал, как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных».

«Пушка и соха», написанная в августе 1914 года, была напечатана в журнале «Объединение», поистине чудом ускользнув от бдительного ока цензуры военного времени.

В середине 1915 года Бедному удалось возвратиться в Петербург. Но почти невозможно стало печататься поэту-большевику, разоблачающему в своих стихах антинародный характер империалистической бойни, грабительские аппетиты буржуазии, наживавшейся на военных поставках, гнев-

но бичующему певцов войны, что «за сценкой боевой спешат состряпать сценку: с еще дымящейся, горячей братской крови снимают пенку». Многие его оригинальные стихотворения той поры были опубликованы только после революции.

Вот тогда-то и обратился Бедный к переводу басен полулегендарного греческого баснописца Эзопа. В них действовали такие привычные для читателя и потому как бы ставшие безобидными Львы и Волки, Лисы и Олени, Киты и Пескари, древнегреческие боги Плутос и Гермес. Басни не были подделкой. Это были действительно басни Эзопа, и лишь кое-где переводчик допускал незначительное изменение в подлиннике, вызываемое как бы необходимостью выдержать размер, рифму. Но отбор басен и именно эти незначительные отступления от текста неожиданно придавали античным басням новое звучание, политическое, злободневное. Казалось бы, уж что может быть отвлеченнее такой басни, как «Дуб и клинья», с ее чисто семейной моралью. Могучий дуб в обиде не столько на дровосека, который поднял на него топор, сколько на клинья, которые «зубами острыми впились в родную плоть». Но не надо было обладать пылкой фантазией, чтобы в тех условиях в иносказании угадать политическую подоплеку, увидеть за клинья-ми солдатские штыки, услышать голос

гневного протеста против войны. Что уж говорить о таких баснях, как «Ответ», «Брак богов», «Богач», «Плакальщицы», где намек на современные события был более чем прозрачен! И не случайно басни, опубликованные в журнале «Жизнь для всех», в детском журнальчике «Маяк», отдельной книжкой так и не вышли, хотя такая книга была подготовлена к печати.

Но вот свершилось... «Гнется гнилая основа... Падает грузно стена» царской монархии. И отпадает надобность и в эзоповом языке. С открытым забралом выступает поэт против извечных врагов рабочего класса и трудящихся масс. Теперь его оружие — призывный, мобилизующий стих, песня, язвительный фельетон, бьющий противника не в бровь, а в глаз. Зарождается особый вид такого фельетона, где цитата из политического документа, газетное сообщение соседствует, а иногда перемежается со стихами, заостряющими, раскрывающими смысл, социальную суть документа, стихи не комментируют цитат, они создают живое, образное представление, которое одновременно действует на разум и на чувство. Они лапидарны, емки, как эпиграммы. Этому виду сатирической поэзии Бедный отдаст особое предпочтение. А пока такой фельетон лишь набирает силу. Меншевицкая статья «Призывы к братанию» вещает: «Организованное братание возмож-

но лишь после заключения всеобщего мира» — «Правда» сопровождает эту цитату всего четырьмя строками Бедного:

Товарищ, сойдемся вдвоем
И во всем поквитаемся;
Сначала друг друга уьем,
А потом... побратаемся.

Несусветная дичь меньшевистского утверждения, равно как и их предательская позиция раскрыты наглядно. Маяковский еще не начал своей работы в РОСТА, но жанр подписи к политическому плакату уже рожден. Не хватает только рисунка, но и нужен ли он здесь, когда образ вылеплен словом так зримо? От такого вот рода строк вплоть до наших дней протянется линия нового жанра — советского сатирического плаката, так прочно утвердившегося в нашей повседневной жизни.

Демьян Бедный разоблачает иллюзии, которые соглашательские партии меньшевиков и эсеров связывают с Февральской революцией, с падением монархии. Уже в марте 1917 года он пишет сказочку «Тофута Мудрый». И весь ход борьбы с самодержавием, и роль буржуазии, готовой идти на соглашение, и роль черного люда, что «не сдал: боролся до конца, пока не выкурил Тофуту из дворца», здесь, как в фокусе, отражены в нескольких метких строках. И смысл происходящего тоже:

И что же? Не прошло, поверите ль, минуты,
Как власть, отбитую народом у Тофуты,
Присвоили себе всё те же богачи,
Да так скрутили всех, хоть караул кричи,
У бедных стали так выматывать все жилы,
Как «не запомнят старожилы».
Пошел в народе разговор:
«Попали мы впросак!»
«Того ль душа хотела?»
«Эх, не доделали мы дела!»

Не поразительно ли, что это написано сразу же после свержения самодержавия, когда люди ходят еще сами не свои, хмелея от победы, когда будущее кажется таким лучезарным далеко не одной буржуазии и ее сознательным подпевалам. Но у нашего поэта трезвый рассудок и большевистское сознание. Ему не только ясен смысл происшедшего, он прозорливо предвидит тот неизбежный и единственно приемлемый для него, поэта и большевика, путь развития революции.

Через месяц в революционный Петроград вернется В. И. Ленин. В «Апрельских тезисах» он определит курс партии на переращение буржуазно-демократической революции в социалистическую, разработает практическую программу осуществления такой цели. Ленинская политическая программа станет для Демьяна Бедного программой его поэзии.

Современному читателю не так просто представить себе весь объем и все разнообразие

разие работы Демьяна в этот столь необычайно сложный период, когда не только месяцы — дни революционного развития невозможно мерить никакими отрезками мирного времени. Более того, перелистывая стихи, помеченные этим периодом, он, вероятно, удивится, что их не так уж много. Дело в том, что значительную часть этих стихов поэт впоследствии включил в поэму «Про землю, про волю, про рабочую долю». Собственно говоря, стихи одновременно писались и как злободневные отклики на события, и как фрагменты произведения, предназначенного как бы шаг за шагом передавать ход подготовки революции, стать поэтическим дневником борьбы.

В поэму не вошли десятка два стихотворений и эпиграмм, из которых, кроме уже упомянутых выше — поэтического манифеста «Мой стих», эпиграммы «Братание после смерти», басни «Тофута Мудрый», — заслуживает особого внимания ядовитая песенка «Страдания следователя по корниловскому (только ли?) делу», высмеивающая подготовку суда над контрреволюционным генералом Корниловым. Заключительные слова признания страдающего «героя»:

То корнилится,
То мне керится,
Будет вправду ль суд, —
Мне не верится... —

точно вскрывали классовую основу таких явлений, как заговор монархиста Корнилова и правление эсера Керенского. Насмешливое «корнилится» и «керится» Ленин использовал в своей характеристике кадетски-корниловски-«керенской» государственности как господства буржуазии¹.

Пятнадцать же стихотворений, песен, фельетонов, печатавшихся в «Правде» в период между февралем и октябрём, составили третью и четвертую части поэмы.

В своем жанровом своеобразии поэма «Про землю, про волю...» — произведение уникальное. Эпический рассказ, лирические отступления, агитка, памфлет — самые разнообразные формы прихотливо сочетаются в ней. И может быть, как никакое другое произведение, она оправдывает любимое Бедным высказывание Гете: кто работает для своего времени, тот именно и работает для вечности.

Замысел «Про землю, про волю, про рабочую долю» возник у поэта еще в дни его пребывания на фронте. Начальные главы появились в газете «Рабочий путь» 5 октября 1917 года. В октябре 1920 года была дописана небольшая послеоктябрьская главка и заключение. К этому времени была закончена и внутренняя перера-

---

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 306.

ботка частей поэмы, и она получила тот вид, в каком ее знает нынешний читатель. При первом издании отдельной книгой в 1917 году автор предпослал поэме следующее обращение.

Демьян Бедный
Мужик Вредный
просит
братьев-мужиков
поддержать
большевиков.

Направленность поэмы и адрес ее читателя здесь точно определены. Да, это поэма прежде всего для читателя-мужика, для крестьянина, одетого в солдатскую шинель. Цель ее — воздействовать на народные массы, указать им истинный путь, побудить их думать по-большевистски, научить различать друзей и особенно врагов. Отсюда и основные образы повествования — деревенские Ваня и Маша, и весь художественный строй поэмы, опирающийся на фольклор и на ту литературу, которая близка народу и в какой-то мере уже известна грамотному человеку из народной среды.

Первая часть — «Царская война» — носит характер повествовательный. Здесь мы знакомимся с предысторией героев: Ваню угоняют на царскую войну, а Маша, батрачившая на попа и кулака, уходит в город на фабрику, где, «общей радостью ды-

ша и деля со всеми горе, растворилась каплей в море», встала в строй тех, кого понесет волна борьбы «к берегам нам всем известным, к цели — подвигам совместным». Картины деревни, провожающей на войну своих кормильцев, деревни, вконец разоренной войной и опутанной кулаком, даны развернуто, обстоятельно и полны жизни. Талант Бедного заблистал своей новой стороной — поэт-баснописец и лирик оказался увлекательным рассказчиком, способным создавать большие эпические полотна.

Автор доносит до своего читателя смысл того, что произошло в деревне за те годы, пока он, этот читатель, воевал. И указывает на того врага, с кем ему по возвращении придется столкнуться лицом к лицу. Враг этот — деревенский богатея, все тот же Пров Кузьмич, который сразу раскусил, что для него «война — не божий бич, а источник благодати».

Фигуры Прова Кузьмича и его дружка — попа Ипата — пройдут через всю поэму, они будут показаны на всех этапах развития революции.

Бегло, но с точным отбором деталей, поэт рисует солдатский путь Вани: «обучался он на палках и, обученный вполне, чрез неделю был в огне», был под Варшавой и под Краковом, лез на Карпаты, холодал и голодал и крепко запомнил, «как

пришлось им с врагами биться голыми руками...» Здесь нечего растолковывать, читатель-солдат все это изведal на собственном хребте, он поймет и с полуслова.

Четырехстопный хорей, избранный для повествования, парная рифма, самая интонация стиха тоже известны читателю по знакомым с сельской школы сказкам Пушкина и «Коньку-горбунку». Стих легок и стремителен, насмешлив и шутлив, отношение к отрицательным персонажам такое, какое издавна знакомо по народным сказкам, — сластолюбив «долгогривый» поп, ненасытен жадный кулак Пров Кузьмич, глуп как пробка незадачливый царь. О последнем и говорится в сниженном тоне народной сказки, с грубоватой насмешкой:

Втапоры — не без причины —
Царь извелся от кручины
И, дрожа за ход войны,
Каждый час менял штаны...

Как неотъемлемый элемент поэт вводит в повествование песню и подражание старинной кручиной расставальной «Не кукушечка во сыром бору куковала», и отчаянные рекрутские частушки — «Эх, скачи, скачи, на нас смотрят богачи! Фу ты, черт, хоть одному бы хорошо заехать в зубы», и маршевую «Солдатскую», где сквозь видимую лихость проступает глубоко скрытая тоска и так трогателен мотив солдатской верности в любви.

Как большой поэт, Демьян Бедный чутко уловил характерную примету той поры: песенные, частушечные, речевые ритмы становились неотъемлемым признаком ритма времени. Однако песня, частушка остаются вставками в повествовательной ткани поэмы. Пройдет всего несколько месяцев, и поэтический гений Александра Блока «в порыве, вдохновенно, гармонически цельно» создаст поэму «Двенадцать», где эти ритмы — эта музыка масс — окажутся неотъемлемыми от сюжета, пользуясь ими, и только ими, выразит Блок и сюжетные связи, и обстановку, и свое, блоковское, понимание смысла событий. Поэма Бедного как бы предваряет этот шаг поэзии в музыку времени.

Вторая часть поэмы — «Петроград» — открывается живой сценкой солдатской беседы. Балагурит веселую побаску солдат Фролка Кочет, чтоб «забыться б как-нибудь, затушить в груди тревогу»; с серьезным разъяснением, «кто ж повинен в бойне лютой», вмешивается в солдатскую беседу «ротный слесарь Клим Козлов», которому предстоит сыграть важную роль в политическом просвещении Вани.

Живая эта сценка невольно заставляет вспомнить о поэме близкой к нам, написанной о другой большой войне, о «Василии Теркине» А. Твардовского. Как в «Теркине»

отразился поступательный ход войны, так и поэма Бедного отражает развитие исторических событий своего времени. Да и написан «Теркин» тем же четырехстопным хореем. Однако, вчитываясь в поэму Бедного, видишь, что его герои — скорее знаки, символы. Самое важное для него — раскрыть политический смысл происходящего тому, кому этот смысл недостаточно понятен. Советский солдат времен Великой Отечественной войны не нуждался в таком политическом просвещении. Но в шутке, в человеческом тепле, в душевном ободрении он нуждался. Твардовский создал глубокий и цельный образ, в котором черты ротного шутника и патриота, размышляющего о войне, воспринимающего то, что происходит, сердцем, *сплавились воедино*. Он же вложил в легкокрылый, плясовой, балагурный четырехстопный хорей ту лирическую, раздумчивую интонацию, которая так невиданно изменила летучий стих. Лирико-героическая поэма Твардовского по художественной ее значимости и глубине центрального образа неизмеримо выше агитационной поэмы Бедного, и все же не стоит брать на душу греха, отрицая ее преемственность с поэмой Демьяна Бедного.

Вернемся, однако, к демьяновской поэме. Во второй части развитие сюжета — главным образом солдатской линии — при-

водит раненого героя в Петроград. Поэт рисует сатирическую картину политической жизни столицы, — здесь и рассказ о взаимоотношениях царицы с Распутиным, и ядовитая сказочка о колодке, высмеивающая Государственную думу, и вставная басенка «Барабан», разоблачающая ура-патриотическую шумиху.

В третьей, четвертой и пятой частях сюжетная основа почти утрачивает какое-либо значение. Части «Февральская революция» и «Демократическое надувательство» почти сплошь составлены, именно составлены, из злободневных стихов, которые публиковались поэтом. Частушка, басня, фельетон, песня сменяют друг друга. Поэт завораживает читателя сокровищами песенных и прибауточных ритмов. Здесь и залихватская деревенская «Барыня», и фабричная городская частушка («Ах вы, Сашки, канашки мои»), и песня строевая, и погудочная с припевками. И в эти ритмы, под которые ноги сами собой начинают ходить, вложено самое злободневное содержание.

Цель автора — убедить читателя, солдата и мужика, в том, что от буржуазного правительства, от соглашательских партий, от обещаний учредилки ему ждать нечего. Поэт обращается и к классическим крестьянским образам: то вспомнит некрасовскую бабушку Ненилу, то от имени некрасовского Якима Нагого, что живет в «де-

ревне Босовой уезда Терпигорева Пустопорожной волости», обратится к своему читателю с письмом, призывающим «родных ребятушек, народных солдатушек» постоять до конца «за наше дело общее, за наше дело правое, за долю всенародную».

Сатира Демьяна Бедного становится в это время беспощадной. Особенно гневен он по адресу тех, с кого надо сорвать маску. Меншевистские вожаки Либер и Дан отстаивают коалицию с буржуазией. Бедный клеймит соглашателя ядовито и изобретательно:

Пред всенным барабаном,
Мастера на штучки,
Танцевали Либер с Даном,
Взявшись за ручки.
«Либердан!» — «Либердан!»
Счету нет коленцам...
Если стыд кому и дан,
То не отщепенцам!..

Соединение имен, по созвучию напоминающее и припев популярной в то время песенки «Гулимджан» и незабываемое хлестаковское «лабардан», производит убийственный эффект.

Части поэмы — «Февральская революция», «Демократическое надувательство» — ярко отразили политическую обстановку того времени, на нас пахнуло жаром борьбы. Пятая часть — «Большевистский Октябрь» — вплотную подводит нас к Октябрю.

скому восстанию. Здесь встречаются наши старые знакомые Ваня и Клим, чтобы вместе идти на последний решительный бой.

Коротким лирическим «Прощанием», видимо набросанным в самый день восстания, заканчивается поэма, прощанием бойца, также идущего в бой:

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли — продолженье?
Как сказать? Идет сраженье.
Не до повести. Спешу.
Жив останусь — допишу.
А погибну? Что ж! Простите.
Хоть могилку навестите.
Там, сложивши три перста,
У соснового креста
Средь высокого бурьяна
Помолитесь за Демьяна.
Жил, грешил, немножко пил,
Смертью грех свой искупил.

Рассказ «Про землю, про волю, про рабочую долю» он прервет «на перевале, на великой на горе — *«Большевицском Октябре»*, чтобы через три года, как уже говорилось, приписать небольшую главку и «Заключение». Здесь, призывая батраков и бедняков «общей силой приналечь, чтобы волю уберечь», поэт называет их смертельных врагов, особо выделяя тип деревенского живоглота новейшей формации. Это нажившийся на спекуляциях кум Еремей, «настоящий лютый змей». Именно на поддержку и опору таких, как Еремей и Пров, будет рас-

считывать «злая тля» — контрреволюционеры всех мастей и интервенты.

Памятником незабываемых лет и первой советской поэмой входит в историю новой литературы эта поэма Демьяна Бедного, сыгравшая в свое время огромную политически-просветительную и мобилизующую роль.

«У каждой поры — свои песни», — говорил поэт. Работа над поэмой для Бедного была периодом освоения новых поэтических и сатирических жанров, которые сослужат под его пером еще большую службу народу в годы гражданской войны.

7. «РАЗЖИГАТЕЛЬ НЕУЕМНЫЙ»

Дубленый полушубок, солдатская фуражка с красноармейской звездой, лицо, дышащее несокрушимым здоровьем, с чуть прищуренными глазами. Могучие плечи не умещаются в кадре. Таким он выглядит на фотографиях времен гражданской войны — поэт с лицом комдива и взглядом снайпера. Он и есть командир стихотворной дивизии, оснащенной чуть ли не всеми видами поэтического оружия. Повести, песни, марши, басни, сказки, агитсатиры, фельетоны, частушки — одним мановением руки он двигает их на врага. Он и есть снайпер, снайпер-артиллерист, посылающий свои снаряды так, что они всегда точно накрывают цель,

производя опустошения во вражьем стане, вызывая ликование в рядах атакующих. Он и всеармейский горнист, и с полным основанием впоследствии скажет, что его «голос в годы фронтовые подобен часто был трубе...», трубе, зовущей

К борьбе с судьбой былой, кровавой.

К борьбе с попом и кулаком,

К борьбе с помещичьей оравой,

С Деникиным и Колчаком.

Не странно ли, что поп и кулак окажутся на первом месте среди врагов? Почему? Не хватило мастерства, чтобы выстроить противников в привычном порядке — сначала белогвардейские генералы, потом уж какие-то там попы и кулаки? Но, право же, для того чтобы поменять местами четвертую и вторую строку, мастерства не требуется. И стихотворение от этого не страдает, напротив, все, казалось бы, станет на свое место: генералы, помещики, кулаки и попы. Однако при этом мы все же теряем нечто совсем немаловажное — отношение поэта, его оценку вражеских сил.

Гражданская война — особая война. Здесь нет фронта и тыла в обычном понимании. В любой деревне пролегает фронт, хотя бы за сотни километров от него шли бои.

Англичане высадились в Мурманске, но незримая война идет и в тверской деревне, куда не суждено добратся не только интервентам, но и белогвардейцам. А война

идет. Она идет за тех крестьянских сыновей, которые пойдут либо защищать новую власть, либо в дезертиры.

Белогвардейцам удалось потеснить красноармейские части. В захваченных ими деревнях объявлен рекрутский набор. Пойдут ли крестьянские сыновья в белую армию или сбегут в леса, будут пробираться к своим?

Красная Армия освободила новые районы. Дружно ли откликнется крестьянская молодежь на призыв военных комиссариатов? Молодая республика в огненном кольце. В городах бесхлебица, рабочие голодают, останавливаются заводы. Даст ли деревня хлеб?

Вот вопросы, от решения которых зависит исход войны, победа, будущее революции. И не царские генералы — главное препятствие на пути к их решению. И не иностранное оружие, которым щедро снабжают белую армию империалисты.

Надо мобилизовать и поднять дух тех, кто, не щадя сил, дерется с белогвардейской сворой, возбудить инициативу крестьян-бедняков, укрепить комбеды. И надо демобилизовать, обезоружить тех, чьими руками белые генералы пытаются вернуть помещичью власть, — тысячи и десятки тысяч обманутых солдат.

И здесь главный враг тот, кто еще держит деревню в экономической и идейной кабале, кто туманит мозги, сеет слухи и па-

нику, поднимает восстания в тылу. Это кулак и поп. Перелистайте сотни страниц, которые написаны Демьяном Бедным в те годы, и прежде других на вас глянут звериное лицо кулака и лоснящаяся от жира со злобной ухмылкой рожа «духовного отца». Именно на 1918—1919 годы падает большинство антипоповских стихов Демьяна, о которых речь еще пойдет впереди. Он не был близорук и хорошо видел, куда бить.

Разрывные снаряды его стихов рвались по видимым каждому и по скрытым еще от многих целям. И непосредственно по белогвардейской «тле», и по тому, кто был ее оплотом, ее надеждой. Он писал для тех, кто на фронте, он и сам был с ними «разжигатель неумный», кочующий по фронтам в вагоне-теплушке.

Разжигатель неумный —
Я кочую по фронтам.
Мой вагон дырявый, темный,
Нынче здесь, а завтра там.

(«Жесткий срок»)

Его видят и под Гатчиной в дни второго наступления Юденича на Петроград, и, позднее, на белопольском фронте, под Орлом, и под Самарой. И это он в Чапаевской дивизии пробирается, пригнувшись, по окопам, чтобы непосредственно в бою, от имени и по поручению ВЦИК, наградить часами отличившихся бойцов. Кстати, именно здесь,

в Чапаевской дивизии, ему расскажут, как в комитет бедноты пришел издалека оборванный старик крестьянин и был здесь «одет с головы до ног» в добротную одежду. И он напишет об этом одно из самых проникновенных стихотворений «До этого места»:

В промокших дырявых онучах,
В лохмотья худые одет.
Сквозь ельник, торчащий на кручах,
С сумой пробирается дед.
...Вперед на дымки деревушки
Идет старичок чрез овраг.
Над крышею крайней избушки
Кумачный полощется флаг.

И закончит стихотворение подлинными словами старика:¹

«До этого места, ребятки,
Я шел ровно семьдесят лет».

«...Он сросся с жизнью, — скажет о нем позднее чапаевский комиссар Дмитрий Фурманов, — оттуда черпает свой материал, а не высиживает его за столом, не поражает, а изображает...»² Влиятельность его стихов объясняется именно их жизненной основой, тем, что они — плод непосредственной связи с жизнью, вдохновлены и подсказаны ею. И он обращает их не только к фронтови-

---

¹ См. газ. «Коммунист» (Саратов), 13 апреля 1963 года.

² ИМЛИ, рукописный отдел. Архив Д. А. Фурманова.

кам, но еще чаще к тем «кровным братьям-мужикам для глаз — далеким, сердцу — близким», к тем «горемыкам-беднякам», которых Пров Кузьмич, змей Еремей да отец Ипат подбивали на бунт. Повести «Красноармейцы», «Мужики», «О Митьке-бегунце и его конце», стихи о попах — скольким десяткам и сотням тысяч они открывали глаза, объясняли смысл происходящего, разубеждали и убеждали!

С этим читателем поэт разговаривает и от первого лица, и от лица своего героя деда Софрона, «пахаря вольного, трудолюба хлебосольного, злейшего врага породы дармоедской», ревностного агитатора за Советскую власть («Песня деда Софрона», «На завалинке», «Дед Софрон на завалинке», повесть «Рабоче-крестьянская власть — отчет деда Софрона о VII съезде Советов»¹ и др.).

В стихах дед Софрон проходит эволюционный путь от просто злейшего врага породы дармоедской до «коммуниста ярого, человека старого, старого, да бывалого». Образ этот располагает к себе мужика и своей «биографией», и своей крестьянской рассудительностью. Читатель верил в существование этого идущего «по дорожкам, по проселочкам» Руси, присаживающегося на

---

¹ В повести излагается стихами содержание доклада В. И. Ленина на VII съезде Советов.

завалинке деда той наивной и завидной верой, какой впоследствии некоторые читатели будут верить в существование Василия Теркина.

Самое главное в поэтической работе Демьяна тех лет именно стремление помочь крестьянину-труженику победить в своей душе крестьянина-собственника, твердо укрепиться не только в вере в новую власть, но и в необходимости драться за нее.

Никто не сделал столько, сколько Демьян Бедный и для прямого разоблачения белогвардейщины, никто не создал таких ярких агитсатир против Врангеля, Юденича, Деникина и других белогвардейских вояк. Вспомним непревзойденный сатирический «Манифест барона фон Врангеля». В нем использован так называемый макаронический стих, где смешиваются слова разных языков. Этот стих у Бедного просто виртуозен:

Ихь фанге ан. Я нашаю.
Эс ист для всех советских мест,
Для русский люд из краю в краю
Баронский унзер манифест.

Комический эффект словосочетаний особенно воздействует на читающего потому, что в нем не чувствуется никакого авторского усилия, разноразличные слова плотно прилегли друг к другу.

Да, делать страшное смешным, достойным презрения — великий дар. И Демьян

умел это делать. Полковника Булак-Балаховича он превратит в Кулак-Кулаковича, генерала Юденича в Иуденича, Деникина — в Денику-воина, одного из свирепых вояк наповал сразит презрительной кличкой:

Чтоб надуть «деревню-дуру»,
Баре действуют хитро:
Генерал-майора Шкуру
Перекрасили в Шкуро.

(«Генерал Шкура»)

В написанной частушечным размером сатире «Генерал Шкура» он повторит хлесткий припев «Ай да Шкура, ай да Шкура», как говорится, с притопом, с присвистом. И можно себе представить, какое впечатление среди солдат самого Шкуро производила такая залетевшая в окопы листовка. А они залетали, эти листовки. И в белой армии среди солдатской массы агитки Бедного имели хождение немалое, переходили из уст в уста. Не зря же белогвардейская пропаганда распространяла в своих войсках фальшивки, подписанные его именем. И он писал в ответ стихи «Правда-матка, или Как отличить на фронтах подлинные листовки Демьяна Бедного от белогвардейских подделок под них». Взглянем на это стихотворение:

Мои ль стихи иль барские,
Друзья, узнать легко:
Одной дороги с Лениным
Я с давних пор держусь,
Я Красной нашей Армией

Гордился и горжусь...
В моем углу два образа:
Рабочий и мужик.

Это о содержании. Но и:

Еще, друзья, приметю
Отмечен я одной:
Язык — мое оружие, —
Он ваш язык родной...
Из недр народных мой язык
И жизнь и мощь берет...

А и в самом деле, ведь не только по содержанию, но и по языку стихи Бедного узнаются сразу. И никакой самый искусный имитатор не мог подделать их безнаказанно, обязательно оговорился бы, сфальшивил. Язык агиток Бедного не только корнями связан с народной речью, он в эту пору вбирает в себя солдатскую речь, даже как бы сознательно опрощается, огрубляется. Солдатская психология, как никому, понятна поэту, он знает цену солдатской шутке, неизбежное пристрастие фронтовика к крепкому, соленому словцу и не прочь сам подбросить ему прозрачный намек. Маяковский восхищался песней Бедного, в которой тот обозвал новое невиданное, наводившее ужас оружие — танк — «Танькой», и у красноармейцев «сразу пропал весь страх перед этим чудовищем. «Танька» — это понятно, это не страшно...»¹

¹ В. Маяковский, Полн. собр. соч. в тринадцати томах, т. 12, Гослитиздат, М. 1959, стр. 486.

Историю этой озорливой песни сам Демьян Бедный рассказывал так: «Мне во время наступления Юденича на Ленинград пришлось в несколько часов изготовить песню, высмеивающую белогвардейские танки. Принимавший по междугороднему телефону мою песню товарищ среди приема телефонограммы говорил:

— Под Лиговым пушки бухают!

— Слышно в редакции?

— Слышно.

А я опять диктую.

— Ванька, глянь-ка: танька! танька!

— Не уйдет от нас небось!

Как пальнет по таньке Ванька,

Танька, глядь, колеса врозь!

Я умышленно написал «Танька, глядь», так как знал, что бойцы обязательно «глядь» в другое созвучное слово переделают, в слово значимое, оскорбительное и полное пренебрежения к белым «танькам». Такой мой прием не указан никакими руководствами по поэтике, но он был оправдан своей действенностью. Бойцы смеялись, приободрялись и перли на «танек».

Озорство и грубоватость Демьяна располагали к нему сердца. Он был свой — мужицкий, и его слушали, ему верили. А он не уставал повторять, вдалбливать одни и те же мысли. В фельетоне, в сказке, в стихотворной повести, в песне. Да, он агитатор, тот самый партийный агитатор, который

берет самый известный всем его слушателям пример и направляет все усилия на то, чтобы, пользуясь этим, всем и каждому знакомым фактом, дать массе *одну идею, возбудить* в массе желание активного действия, недовольство и возмущение, стремление изменить положение. И справедливо говорил Демьян Бедный, что важнейшее дело, «чтобы в художественном произведении чувствовалась писательская взволнованность. Без этого произведение не имеет агитационной силы...» Страстной убежденностью и взволнованностью дышат его стихи. Часто на отделку не хватало времени. Впоследствии он говорил: «Отбивающийся от врага товарищ у меня просит винтовку. Я должен ему ее дать немедленно, а не говорить: «Погоди, я ее серебром отделаю!» И даже пытался оправдать это как принцип рабочего поэта в любые времена. И был не прав. Не прав в том, что сторону формальную считал чем-то вроде отделки, украшения. Но в те боевые времена действительно «годить» было некогда. К тому же выручала стихийная сила таланта. Вспомним только что приведенный пример того, как и в каких условиях создавались стихи о танках — «таньках». Но ведь так писались почти все стихи тех лет. И тому, что Бедный повторялся, что далеко не все стихи в художественном отношении совершенны и что многие из них растянуты, удивляться

не приходится. Поразительно то, что в таких условиях поэт создавал произведения столь совершенные в своем жанре, как сатирический «Манифест барона фон Врангеля» или знаменитая красноармейская песня «Проводы».

И если стихи, подобные «Манифесту...», были как бы вершиной сатирической, обличительной лиры Бедного, то «Проводы» — подлинная вершина его песенного лирического творчества. Им в ту пору было создано немало боевых революционных песен («Коммунистическая Марсельеза», «Красноармейская звезда» и др.) и многие из них пелись, но ни одна так не пришлась по душе народу, как «Проводы», не обрела такой долговременной жизни в эпоху, когда жизнь даже отличных песен оказывается столь недолговечной.

Писать красноармейские песни, как сам Бедный об этом свидетельствует, он начал по совету Ленина:

«Припоминаю случай с В. И. Лениным. Владимир Ильич как-то, в 1918 году, беседуя со мной о настроении фронтовиков, полупросительно сказал:

— Выдержат ли?.. Не охоч русский человек воевать.

— Не охоч! — сказал я и сослался на известные русские «плачи завоенные, рекрутские и солдатские», собранные в книге Е. В. Барсова «Причитания северного края».

...Надо было видеть, как живо заинтересовался Владимир Ильич книгой Барсова. Взяв ее у меня, долго он мне ее не возвращал. А потом при встрече сказал: «Это противовоенное, слезливое, неохотное настроение надо и можно, я думаю, преодолеть. Старой песне противопоставить новую песню. В привычной, своей, народной форме — новое содержание. Вам следует в своих агитационных обращениях постоянно, упорно, систематически, не боясь повторений, указывать на то, что вот прежде была, дескать, «распроклятая злодейка служба царская», а теперь служба рабоче-крестьянскому, Советскому государству, — раньше из-под кнута, из-под палки, а теперь сознательно, выполняя революционно-народный долг, — прежде шли воевать за черт знает что, а теперь за свое и т. д.»

Вот какую идейную базу имела моя фронтовая агитация».

Но одно дело — база, иное — создать на ее основе песню, совершенную по содержанию и форме. Как это часто бывает, поэт, вероятно, не сразу оценил собственное творение. Написав «Проводы» во время пребывания на Восточном фронте, он не публиковал стихи отдельно, а включил девятой главой в поэму «Красноармейцы», напечатанную в декабре 1918 года в газете «Беднота». Музыка к песне написал композитор Д. Васильев-Буглай, превосходно по-

чувствовав пронизывающий ее молодой оптимизм, ее заливчатость. Это способствовало небывалой ее популярности не только в военные, но и в послевоенные годы. Популярность эта особенно выросла именно в 20-е годы, когда новобранец уходил не на фронт, а в мирную армию, ставшую в те годы не только боевой, но и культурной силой, школой молодых строителей социализма. Более двух десятилетий совершала эта песня свое триумфальное шествие по городам и селениям. Пели ее на любой вечеринке, при гостях, в избе-читальне и на свадьбах и, конечно, при призывах в армию. И право же, было что-то невыразимо прекрасное и трогательное в том, когда родители-коммунисты, провожая сына-комсомльца в армию, голосили:

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся,
Без тебя большевики
Обойдутся.

И тут же изо всех сил костили себя:

Будь такие все, как вы,
Ротозей,
Что б осталось от Москвы,
От Расей?..

Что вспоминалось им? Собственная боевая юность? Или, быть может, то, как их провожали с этой песней в Красную Армию служить?.. И не было ни одного русского

парня, который бы не знал этой песни: она стала как бы его боевым кличем, хотя самое содержание уже давно не отвечало тем новым реальным отношениям между родителями и детьми, которые сложились на рубеже 20—30-х годов.

Ни один поэт никогда не завоевывал такой массовой популярности, как Демьян Бедный в эти годы. Нужны были особые условия существования такого огромного и в то же время как бы одноликого, стоящего на одном уровне культурного развития читателя. Сейчас, спустя десятилетия, трудно даже себе представить популярность Демьяна Бедного на селе в 20-е годы. Впрочем, этому есть неумиряющее свидетельство, может быть самое достоверное из свидетельств, — свидетельство поэтическое. Именно в те годы другой поэт, побывав в родной деревне, отметит как неотъемлемый признак новой советской деревни то, что здесь

Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая даль...

(С. Есенин, «Русь Советская»)

8. «...ТОБОЙ БЕССМЕРТЕН БУДУ САМ»

Огневые годы гражданской войны неразрывно свяжут имя Демьяна Бедного с нашей армией. Образ «величайшего из великих» — красноармейца рядового, защит-

ника Советской родины пройдет через все его творчество. Эпиграфом к одному из своих стихотворений он поставит державинские слова: «Превознесу тебя, прославлю, тобой бессмертен буду сам». И он действительно сделал все, чтобы образ рядового бойца революции — рядового красноармейца — окружить поэтическим ореолом. Какой обаятельный, именно обаятельный, полный молодости, душевного и физического здоровья образ патриота вырисовывается в песне «Проводы».

Образ красноармейца у Бедного — будь это повесть в стихах, походная песня, патетическое стихотворение, — это образ народного героя, красного богатыря, защитника бедных, пламенного патриота. Как правило, это фигура обобщенная, плакатная, даже тогда, когда речь идет о конкретном подвиге и людях, будь это путейцы, что «через Неман на Варшаву «шьют» стальную колею», казак Бубнов или другой реальный герой, который, впрочем, у Бедного редок.

*Красноармеец — Пров, Мефодий,
Вавила, Клим, Иван, Софрон, —
Не ты ль, смахнув всех благородий,
Дворян оставил без угодий,
Князей, баронов — без корон?*

(«Честь красноармейцу!»)

Слово *красноармеец* выделено самим поэтом. Важно не индивидуальное, не то, что

перед вами Клим или Мефодий, — важно то общее, что делает их представителями массы, сливает в едином порыве с массами. Такое изображение очень характерно для первого этапа развития советской литературы, оно исторически неизбежно. Важно было прежде всего выделить, запечатлеть то новое в человеке, что рождено революцией, его морально-политические качества, сделать их через искусство достоянием миллионов. Пройдут годы, прежде чем советская поэзия раскроет характер героя гражданской войны в единстве общего и индивидуального, и тогда появится и украинский хлопец с его испанской грустью Михаила Светлова, и Семен Проскаков Николая Асеева, и романтический герой «Баллады о синем пакете» Николая Тихонова, и Иосиф Коган Эдуарда Багрицкого и многие другие. Но дорога к ним ведет через творчество Демьяна Бедного, впервые сделавшего своим героем не символическую фигуру абстрактного человека, а рядового красноармейца. В любви Бедного к своему герою-красноармейцу сквозила даже столь, казалось бы, необычная, не вяжущаяся с обликом поэта нежность. Прочтите, к примеру, написанную им уже в мирные годы балладу «Советский часовой», посвященную памяти пограничника, сраженного выстрелом из-за Днестра, или его стихотворение «Печаль».

Выпишем это стихотворение полностью, ибо нигде и никогда больше не позволял поэт так глубоко заглянуть в свое самое сокровенное:

Дрожит вагон. Стучат колеса.
Мелькают серые столбы.
Вагон, сожженный у откоса,
Один, другой... Следы борьбы.
Остановились. Полустанок.
Какой? Не все ли мне равно.
На двух оборванных цыганок
Гляжу сквозь мокрое окно.
Одна — вот эта, что моложе, —
Так хороша, в глазах — огонь.
Красноармеец — рваный тоже —
Пред нею вытянул ладонь.
Гадалки речь вперед знакома:
Письмо, известье, дальний путь...
А парень грустен. Где-то дома
Остался, верно, кто-нибудь.

Колеса снова застучали.
Куда-то дальше я качу.
Моей несказанной печали
Делить ни с кем я не хочу.
К чему? Я сросся с бодрой маской.
И прав, кто скажет мне в укор,
Что я сплошную красной краской
Пишу и небо и забор.
Души неясная тревога
И скорбных мыслей смутный рой...
В окраске их моя дорога
Мне жуткой кажется порой!
О, если б я в такую пору,
Отдавшись власти черных дум,
В стихи оправил без разбору
Все, что идет тогда на ум!
Какой восторг, какие ласки

Мне расточал бы вражий стан,
Все, кто исполнен злой огласки,
В чьем сердце — траурные краски,
Кому все светлое — обман!

Не избалован я судьбою.
Жизнь жестоко меня трясла.
Все ж не умножил я собою
Печальных нытиков числа.
Но — полустанок захолустный...
Гадалки эти... Ложь и тьма...
Красноармеец этот грустный
Все у меня нейдет с ума!
Дождем осенним плачут окна.
Дрожит расхлябанный вагон.
Свинцово-серых туч волокна
Застлали серый небосклон.
Сквозь тучи солнце светит скудно.
Уходит лес в глухую даль.
И так на этот раз мне трудно
Укрыть от всех мою печаль!

Стихотворение написано в дни поездки на Польский фронт в сентябре 1920 года, в те же дни, когда писались лихие частушки о белой шляхте, боевая песня о буденновской коннице. Не правда ли, оно сказало о поэте многое? Это одно из тех редких произведений, которые открытостью признания и силой чувства будят в вас такое расположение к автору, какого уже впоследствии ничто не может изменить. И разве не показательно то, что самое доверительное признание, на какое когда-либо он отваживался, связано с вспыхнувшей в сердце печалью о человеческой судьбе рядового бойца.

Образ красноармейца в творчестве

Демьяна Бедного, вероятно, самый для него дорогой. И самый близкий. Думается, что не только героическая действительность, но и самый дух армейской жизни был ему по сердцу, отвечая особенностям его натуры коллективиста и бойца. Самый уклад армейской жизни, целенаправленный, целеустремленный, не мог ему не внушать симпатии.

Его связь с армией не порывалась никогда. Не успеют отгреметь выстрелы в спровоцированном китайскими милитаристами конфликте на КВЖД в 1929 году — в этой первой разведке боем сил мирной Советской Армии, — как он уже приветствует победу лихую песней «Нас побить, побить хотели», и долгим, незамолкающим эхом она отзовется во всех уголках страны.

А когда по окончании военного конфликта в Москву привезут простреленный пулей партийный билет командира эскадрона И. Чеботаря и залитый кровью комсомольский билет красноармейца Г. Аникина, он, увидев дорогие реликвии, не отходя от стола, напишет стихотворение «Два билета», проникнутое скорбью и гневом, исполненное взволнованно-нежной любви.

В мирные годы он воспекает Красную Армию как величайшую культурную и строительную силу, как школу мужества и как школу передовых борцов за новое (напр., «Красноармеец в колхозе»). Но прежде всего, конечно, как защитницу со-

циалистического отечества. Не мужицкий топор, как когда-то, а красноармейский штык — символ и залог защиты народных завоеваний. «...Враги б давно вонзили в нас клыки, когда б от хищников, грозящих нам войною, не ограждали нас щетиною стальной красноармейские штыки» («Еж»). Тема боевой готовности, тема военно-патриотическая до конца его жизни останется одной из основных тем в творчестве поэта.

В середине 30-х годов для поэта наступят трудные, горькие времена. И тогда он снова обратится к столь дорогим ему образам красноармейцев — солдат эпохи гражданской войны. Газетное сообщение о том, что в обмелевшем Сиваше обнаружено тело погибшего пятнадцать лет назад при взятии Перекопа бойца Прохора Иванова, вызовет к жизни поэму «Красноармеец Иванов».

Поэма не получила, насколько помнится, серьезных откликов в критике. Но для читателей, уже начинавших ощущать в ту пору угрозу новой войны, прозвучала одновременно не только как воспоминание о героике прошлого, а и как призыв к боевой готовности: «и — при нужде — и в лоб и с тылу атаковать «фашистский вал». Для самого же поэта в ту нелегкую для него пору она станет в какой-то мере спасительной. Вновь забродят и оживут дорогие сердцу образы. Сразу же вслед за этой поэмой он опубликует повесть «Колхоз «Крас-

ный Кут», о борьбе с немецкими оккупантами на Украине в 1918 году, к переработке которой вернется в годы Великой Отечественной войны. И в этом обращении к памятным временам поэт почерпнет утешение и силу и как бы возьмет тот разгон, который в дни Великой Отечественной войны возвратит его читателю как певца новых боевых подвигов советских воинов. Да, «превознесу тебя, прославлю, тобой бесмертен буду сам». И в трудную минуту жизни поддержан!

9. НА «ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ»

Начало 20-х годов — подлинный триумф Бедного. Поэзия Маяковского еще только пролагает путь к широким кругам читателей через среду вузовцев и рабфаковцев, юной поросли новой советской интеллигенции. Поэзия «последнего поэта деревни» Есенина, ее элегические мотивы и настроения чужды тем, кто, по словам Маяковского, «вышел строить и мечь в сплошной лихорадке буден». Племя «комсомольских поэтов» еще очень молодо, чтобы даже в мыслях посягать на огромный авторитет Демьяна. И еще мало кому известно имя автора «Сами» Николая Тихонова, а об Эдуарде Багрицком, Вере Инбер, Илье Сельвинском, молодом Михаиле Светлове и

вовсе еще не слышать. Правда, есть еще поэты «Кузницы», которые поют «Железного мессию» и «героев, скитальцев морей, альбатросов», но их выпренность, их «межпланетный космизм», манера петь о советском рабочем и моряке под символиста Белого или акмеиста Гумилева скорее отпугивают, чем привлекают и читателя и критику.

Положение и позиция Демьяна Бедного в это время непоколебимо прочны. Его произведения не сходят со страниц «Правды» и «Бедноты», включаются в школьные программы. И в самом деле, идейная ясность его стихов безупречна. Никто, как он, не может так доходчиво разговаривать с читателем — читателем рабочим и крестьянским — о том, что их волнует, о том, к чему их призывает партия, и об их реальном житье-бытье, а не о надзвездных сферах, не о том, что «во имя нашего завтра» надо сжечь Рафаэля, о котором они еще и не слыхивали, и растоптать «искусства цветы», к которому через русских классиков народный читатель только начинает приобщаться. В самом деле, попробуй разберись в этом хаосе, когда один поэт объединения с рабочим названием «Кузница» кричит: «Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля!», а другой, захлебываясь, утверждает: «Мы Вагнер, Винчи, Тициан...» Когда далеко еще не разбиты и не преодолены теории особой «пролетарской культуры». И когда с ве-

дением нэпа разведется неисчислимо количество литературных группировок, с шаткими и смутными идейными позициями и весьма уязвимыми эстетическими взглядами. И по этим группам, то ли из действительной необходимости чувствовать локоть друга и единомышленника, то ли следуя «моде времени», разбредутся писатели, часто не имеющие ничего общего со взглядами их «теоретиков». Классовая борьба в стране продолжается, она приобретает новые формы и еще более сложный характер, и все это отражается на литературном процессе.

Партийная ясность творчества Бедного дает ему полное основание чувствовать себя над этой бурлящей массой. Не речами и не манифестами, а своей поэтической работой он доказал, что поэтическое искусство может и должно стать сильнейшим оружием в борьбе за революцию, за Советскую власть. Он первый и на долгие годы единственный из писателей награжден орденом Красного Знамени, тем боевым и пока единственным в стране орденом, которым награждались легендарные герои гражданской войны. В приветствии Президиума ВЦИК, подписанном М. И. Калининым, указывалось на особо выдающиеся и исключительные заслуги Демьяна Бедного «как поэта великой революции»: «Произведения ваши — простые и понятные каждому, а потому и необыкновенно сильные, зажигали

революционным огнем сердца трудящихся и укрепляли бодрость духа в труднейшие минуты борьбы»¹.

В этой оценке нет преувеличения, почти неизбежного в юбилейных приветствиях. Да и написано оно с необычайной для официального документа теплотой.

Поэту минуло сорок лет. Он в расцвете физических сил и творческого таланта. В глазах миллионов читателей он что-то вроде члена правительства по искусству поэзии. Его имя произносится в ряду ближайших соратников великого Ленина. В народе его зовут просто Демьян.

Излишне говорить, что он, со свойственной ему оперативностью, переключается с фронтовой тематики на темы восстановления, призывая своего читателя к трудовым подвигам.

Былых господ прогнавши взащей,
Мы знаем: есть страшнее враг, —
Мы по пути к победе нашей
Свершили только первый шаг...

...Отбив рукой вооруженной
Всю злую вражескую гнусь,
Спасем работой напряженной
Коммунистическую Русь.

(«Благословение»)

Лирика и революционная патетика в этот период занимают основное место в его

---

¹ «Известия», 24 апреля 1923 года,

творчестве. Н. К. Крупская, вспоминая о последних месяцах жизни В. И. Ленина, писала, что «он любил слушать стихи, особенно Демьяна Бедного. Но нравились ему больше не сатирические стихи Демьяна, а пафосные»¹.

И несомненно, лучшее, что написано Бедным в этом роде — страстная, полная пафоса, невыразимо волнующая и теперь «Главная Улица» (1922). Сколько бы ни прошло времени, в любых антологиях советской поэзии это небольшое произведение будет занимать почетное место.

По объему это, наверное, самая короткая в русской поэзии поэма — всего 192 строки, к тому же добрая половина из них образована интонационной разбивкой. Но по своему поэтическому облику, по замыслу и образному воплощению это величественный монумент, воздвигнутый в память великой борьбы и в честь победителя. Как ни странно, но, читая поэму, воспринимаешь ее как бы в скульптурном облике — словно возникла перед тобою на широкой, просторной площади величественная фигура мускулистого гиганта, «под пролетарской пятой» которого извиваются при последнем издыхании поверженные им несметные рои врагов. Образ этот родствен памяtnому образу

---

¹ Сб. В. И. Ленин о литературе и искусстве, Гослитиздат, М. 1960, стр. 631.

гиганта, промелькнувшему когда-то в поэтическом воображении Генриха Гейне. «Настанет день, и роковая пята раздавит вас», — предсказывал он врагам коммунизма. «Не ударом палицы уничтожит их этот гигант, — нет, он просто раздавит их ногой, как давят жабу»¹.

Особый облик поэмы Бедного создается сочетанием скульптурности и монументальности с динамикой, движением, действием. Динамика стиха, как и изображение, различны в зависимости от предмета, который живописует, вернее, ваяет поэт.

Главная Улица — улица Истории. Пока ею еще владеет мир собственников. Но уже слышится вдали грозный гул грядущего возмездия. Поэма начинается как бы музыкальным аккордом, передающим тяжелую, ритмичную поступь сплоченных железных рядов Приближающегося. Идут *они*. Лица их мы не видим. Только грозный, отдаленный гул. И вот перед нами картина охваченной паникой Главной Улицы, которой поэт придал облик Невского проспекта. Здесь все рассыпано, разобщено и объединено лишь общей боязнью, страхом. Атмосфера паники. Картина как бы дробится, самое движение мелко, суетливо.

---

¹ Г. Гейне, Собр. соч. в десяти томах, т. 8, Гослитиздат, М. 1958, стр. 14, 13.

Главная Улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся, словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечется — клубный делец накрахмаленный,
Плут-ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз-меховщик, ювелир патентованный, —
Мечется каждый, тревожно взволнованный
Гулом и криками, издали слышными,
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы, —
Русский и немец, француз и еврей,
Пробуют петли, сигналы, запоры:
— Эй, опускайте железные шторы!
— Скорей!
— Скорей!

И сразу же резко меняется движение,
«гул» стиха, как только возникает перед
нами обобщенный портрет рабочего класса.
Таинственные *они* — это Его Величество
Пролетариат — монолитный единый:

С силами, зрелыми в нем, необъятными,
С вслей единой и сердцем одним,
С общею болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен, полыхавших над ним,
Из закоулков,
Из переулков,
Темных, размытых, разрытых, извилистых,
Гневно взметнув свои тысячи жилистых,
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на Улицу Новый Хозяин,
Вышел — и все изменилось вдруг:
Дрогнула, замерла Улица Главная,

В смутно-тревожное впадъ забытье, —
Воля стальная, рабоче-державная,
Властной угрозой сковала ее:
— Это — мое!!

Величаво-торжественный ритм создает в дополнение к превосходному зримому изображению то музыкальное сопровождение, которое и вызывает в воображении впечатляющий образ Нового Хозяина Истории.

Столь же умело используя живописные и звуковые средства стиха, изображает поэт первое поражение в борьбе, злобное ликование временных победителей и вновь возникающую из глухо рокочущего прибора роковую для старого мира волну 1917 года.

Оптимистичен и многозначителен эпилог поэмы. В нем отзвуки уже начинающейся в партии борьбы с презренными капитулянтами. Слова: «Пусть нашу Улицу числят задворками рядом с Проспектом врага Мировым» — метят не в бровь, а в глаз тем, кто умалял победу революции и не верил в ее созидательную мощь — троцкистам. Поэт говорит о трудностях борьбы и неизбежности временных отступлений «перед силою неравною», исповедуя свою веру в будущую победу на Проспекте Мировом в звучных строках:

Стойте ж на страже добытого муками.
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бодрыми звуками,
Гролом живых, боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные.
Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!

«Главная Улица», думается, самое совершенное из произведений Бедного.

Героикку современности, героикку подвига строителя нового мира — рабочего класса — поэт запечатлевает не только в монументально-патетических произведениях, но и в стихах, отображающих повседневный труд и еще далеко не благоустроенный быт советских людей. Лучшее из стихотворений этого рода — «Тяга» (1924). Написано оно в разговорно-свободной форме того самого раешника, которым поэт так часто пользовался в своих сатирических сказочках или назидательных беседах. Начинается стихотворение ироническим зачином:

Нагляделся я на большие собрания:
В глазах пестрит от электрического сияния,
Народу в зале — не счастье,
Давка — ни статья, ни сесть.
На эстраде — президиум солидный,
Ораторствует большевик видный,
Стенографистки его речь изувечивают,
Фотографы его лик увековечивают,
Журналисты ловят «интересные моменты»,
Гремят аплодисменты,
Под конец орут пять тысяч человек:
— Да здравствует наш вождь Имя-Рек!

Но не на торжественном собрании, а в ночной степи под Персимфанс¹ кузнечиков, на станции Евпатория ведет поэт разговор с рабочими-железнодорожниками:

Говорили душевно. И я без утайки
Говорил даже что-то о детстве своем.
Обо всем говорило собрание,
Под конец — про карман.
Обратил на это внимание
Рабочий, *Димитренко Емельян*.
Спросите у Димитренка, бедняги,
Кто он — по чину — такой?
«Я, — скажет он, — служба тяги,
Я — на все и у всех под рукой».
Одна по штату, незаменимая,
Это «тяга» неутомимая.

Емельян — тот, кто теперь называется разнорабочий, ему и пол подмести, и куль с углем подтащить, и промыть вагон из-под соли. «Ему отдыха нет: не гуляй, не болей! Емельян Димитренко получает за это в месяц... девять рублей». А затем идут бесчисленные добровольные отчисления на МОПР, на Воздухофлот, на Доброхим, на «Долой неграмотность», и на «Ох... мат», на «Ох... мат... млад» (Общество охраны материнства и младенчества). Остается каких-нибудь пять рублей, а цены «скачут, как блохи». И право же, Емельянова щедрость

---

¹ *Первый симфонический ансамбль* — так назывался руководимый профессором Цейтлиным экспериментальный симфонический оркестр без дирижера.

удивления достойна. Хотя и не ропщет Емельян на добровольные поборы, — ведь надо! — нельзя сказать, чтобы очень был весел ночной разговор. Но вот наступает утро, и опять бежит по шпалам «служба тяги» и, заметив поэта, приветливо кивает ему:

Не вчерашний, какой-то другой.

Вправду ль он? Горемыка ли?

Говорит мне: «Простите уж нас, дорогой,

Что вчера мы пред вами маленько похныкали.

Это верно: бывает порой чижало.

Точно рыбе, попавшей на сушу.

А в беседе-то вот отведешь этак душу,

Глядь, совсем отлегло».

«Е-мель-я-я-ян!.. Будешь там толковать до обеда!..»

Емельян встрепенулся: «Прощайте покеда!»

И, на лбу пот размазав рукою корявою,

Побежал к паровозу со шлангой дырявою.

С душевным теплом и сочувствием обрисован поэтом образ простого рабочего. Миллионы таких вот рабочих, а не вожди Имяреки — подлинная «служба тяги» Истории.

Поэма «Главная Улица» и стихотворение «Тяга» — свидетельство необычайной гибкости и многогранности таланта Бедного, позволяющего ему с равным успехом создавать произведения монументальные и вещи, в которых с большой поэтической глубиной отражались проза и будни жизни.

«Главная Улица» и «Тяга» представляют собою как бы два равноправных начала в его поэзии. Раскрыть героическое в повседневном, воспеть душевное величие и высо-

кую сознательность «величайшего из великих» — рядового труженика и бойца — в его поступках «тем более великих и геройских, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни, совершены людьми, не привыкшими (и не имеющими возможности) кричать о каждом своем успехе на весь мир»¹, воспеть такого человека — одна из главных задач, которую ставит Демьян Бедный перед своей поэзией и решает ее. *Бытовое* — это слово он подчеркнуто поставит подзаголовком к стихотворению «Товарищ борода», где изобразит типичский образ вчерашнего бойца, на студенческой скамье овладевающего знаниями. И закончит его знаменательным обращением, которое и ныне сохраняет свое значение:

Вниманью молодых товарищей-поэтов,
Что ищут мировых — сверхмировых! —
сюжетов,
Друг другу темами в глаза пуская пыль.
Вот вам бесхитростная быль.
Коль ничего она не скажет вашей братье,
Пустое ваше все занятье!
Спуститесь, милые, туда,
Где подлинный герой — такой простой и
скромный —
Свершает подвиг свой огромный,
Советский богатырь, «товарищ борода».

«Уметь видеть краски, уметь слышать звуки и шорохи новой жизни», «большевист-

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 61.

скую волю — в каждую строку» — этим выдвинутым им принципам следует он в своей повседневной работе.

20-е годы, десятилетие невероятного напряжения творческих сил поэта, всеобщей мобилизации возможностей его разностороннего дарования. Восстановление заводов и организация первых сельскохозяйственных коммун, превращение России нэповской в Россию социалистическую, партийная борьба, борьба с империализмом и колониализмом на международной арене, пропаганда мирной политики Советской страны, победы и неполадки, улыбки нового и гримасы старого быта — все находит отзвук в его стихах, ко всему он выражает свое отношение со свойственной ему прямоотой.

Перечитывая сейчас его стихи тех лет, мы видим, что в них с необычайной широтой отобразились события, жизнь и борьба первого десятилетия мирного развития страны. Поэзия Демьяна Бедного в эти годы несет читателю целый мир идей, мыслей и чувств, нового отношения к труду, к обществу, воспитывает в нем чувства советского патриотизма и пролетарского интернационализма.

Нет такой сферы общественной жизни, в какую не вторгался бы он своим стихом. Именно в эти годы, как уже говорилось выше, он ведет в стихах бой за партийность советского искусства, способствуя этим ста-

новлению советской литературы, борясь за ее идейную чистоту и высокое мастерство. («О соловье», «Еще раз о том же» и др.)

Самые разнообразные виды лиро-эпической и сатирической поэзии — от стихотворной повести до летучей эпиграммы — он использует для того, чтобы удовлетворить живой интерес Нового Хозяина жизни — рабочих и крестьян к вопросам как внутренней, так и международной жизни, помогая им глубже вникнуть в насущные задачи хозяйственного и культурного строительства, разобраться и в происках империалистов, и в подлой клевете белоэмигрантов, и в политике всякого рода социал-предателей. Причем, в вопросах международной политики поэт обнаруживает незаурядный дар предвидения. Вспомним, к примеру, его сатирическую «оду» «Социал-мошенники»:

Лакеи Стиннеса¹ опьянены изменой,
На коммунистов брызжут пеной
И, одобрительный ловя хозяйский взгляд,
У ног хозяина восторженно скулят.
Старайтесь, верные собачки,
Авось хозяин ваш удвоит вам подачки!
Но не дивитесь, коль потом
Придется вам, упав со страху на карачки,
Зализывать свои зловонные болячки
Под гинденбурговским кнутом!

---

¹ Стиннес — крупнейший германский капиталист, оказавший после первой мировой войны значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику германского правительства.

Это написано в 1922 году, за три года до избрания президентом Германии представителя реакционной военщины Гинденбурга, того самого Гинденбурга, который через десять лет поможет Гитлеру прийти к власти.

От пронизательного взгляда не ускользают происки ни внешних, ни внутренних врагов. Капиталисты, буржуазные министры и дипломаты, певцы «чистого искусства», буржуазные писаки, чирикающие лирики, белоэмигранты, левые и правые уклонисты, нытики и маловеры, нэпманы и кулаки, бюрократы и подворотные шептуньи — да разве перечислишь всех тех, в чьем стане рвались выпущенные им сатирические гранаты, бомбы, снаряды. Пожалуй, не найдется ни одного явного или тайного врага революции и молодого советского государства, портрета которого не оказалось бы в его сатирической галерее. В этой галерее они как бы выстраиваются друг другу в затылок по мере того, как одни уходят с исторической сцены, другие выскакивают на нее.

Менялись объекты сатиры, но сохранялся ее общий тон, резкий и непримиримый, жесткий и презрительный, насмешливый и грубоватый. Сатира Демьяна имеет свои приметные черты. Он прежде всего насмешлив, но, разгневавшись, честит врага и в хвост и в гриву: *гады, гадины гнусные, из-*

дыхающие, охрипшие от воя, сволочи, волки, гниды, антихристы, прохвосты, змеи-горынычи — таков далеко неполный перечень его любимых определений классового врага и идейного противника. Он бьет помужицки крепко, теми словами, какие имеют хождение в самом народе в годы борьбы не на жизнь, а на смерть. Этот непоэтический, неэстетический словарь, от которого будут морщиться поклонники тонкого вкуса в мирное время, однако, уже на нашей памяти оживет в агитках и плакатах в дни Великой Отечественной войны. Его сатира далека от изящества, она груба и обидна, но он и хочет, чтобы она была и грубой и обидной. Она рассчитана не на исправление пороков объекта и менее всего адресована к нему, его стихи пишутся для тех, для кого этот объект — враг, и имеют целью разжечь ненависть к врагу. Сатира Демьяна — оружие классовой борьбы, отточенное и закаленное в смертельных схватках со старым миром. Она гвоздит врага мужицкой дубиной. В то же время ей присуща та неповторимая самобытность, что идет от деревенского вышучивания, поддразнивания, издевки. В его изображении объект чаще всего ничтожен, мелок. Поэт охотно прибегает к иронии. Так, в известной песне о чанкайшистских генералах:

У китайцев генералы
Все вояки смелые...

Но, пожалуй, характерное именно в том, что он не полагается на одну иронию и тут же бьет прямой наводкой:

На рабочие кварталы
Прут, как очумелые.

Всматриваясь в его агитки, фельетоны и сатирические стихи, убеждаешься еще в одной их особенности. Он беспощадно издевается и клеймит, и только клеймит, когда бьет по дальней «цели», по «цели», с которой его читатель по своему положению не может прийти в непосредственное соприкосновение. Когда это генерал Деникин или английский министр Остин Чемберлен, сатирик не тратит времени на психологическую обрисовку «предмета» — пригвоздил, и точка. Иное дело, если речь заходит о фигуре, читателю лично знакомой, о враге, с которым он сталкивается в своей повседневной жизни, — о спекулянтке, богомольной ханже, кулаке или попе. Тут со всей силой проявляется реалистический талант Демьяна Бедного, рождающий образы отнюдь не плакатного характера. Вспомним, к примеру, такие великолепные персонажи, как пышущая злобой деревенская сплетница («Стара — помирать пора») или провинциальная прелестница, обращающая всех поклонников в растратчиков («Хорошо!»). Стихи написаны как монолог. Словарь, речевые обороты, интонация так выразительны,

что прямо-таки видишь и старушонку, ханжески бормочущую одно и то же («молодые-то дурят, все дурят, все дурят...»), и наглуго оболъстительницу, не унывающую ни при каких обстоятельствах.

Особенно «повезло» в сатирах Бедного извечным мужицким врагам — кулаку-мироходу и попу. Образ Прова Кузьмича, проходящий через стихи и повести Бедного на протяжении чуть ли не двух десятков лет, разработан им как фигура бытовая, с кулацкой психологией, с характерной для этого слоя повадкой и манерой речи. Возвращаясь к нему в разные исторические периоды, Бедный запечатлел в Прова Кузьмиче и эволюцию, какую совершило кулачество в нашей стране вплоть до ликвидации его как последнего эксплуататорского класса.

10. «ОТЦЫ ДУХОВНЫЕ И ИХ ПОМЫСЛЫ ГРЕХОВНЫЕ»

В сатирическом изображении церковников, попов Демьян Бедный в советской, да и в русской литературе не имеет себе равных. Исконная мужицкая нелюбовь к «жеребьячьей породе»¹, насмешливое от-

---

¹ Прозвище попов в старой русской деревне. В поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» поп, обращаясь к крестьянам, с огорчением спрашивает: «Скажите, православные, кого вы называете породой жеребьячьей?»

ношение к попу у Демьяна сочетались с пониманием полной несовместимости религиозного мировоззрения с мировоззрением революционера и коммуниста.

И если давно ушли с исторической сцены в нашей стране многие персонажи, служившие объектом сатиры Бедного, то этот персонаж оказался довольно живуч. И стихи Демьяна «об отцах духовных и их помыслах греховных» не утратили своей злободневности и остроты. Не утратили и потому, что они не просто агитки, а произведения художественные, которые образуют особый жанр стихотворных фабль¹, перенесенный им в литературу вид народных побасенок о попе и кутейниках, о «долгогривых» и «прокислой кутье».

«...Неужели же и в самом деле Вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа, — писал Белинский к Гоголю. — ...Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?»² Вот это народное отношение к «попам-трутням», что «живут на плутни», принятое как эстафета от пушкинской «Сказки о

---

¹ Ф а б л ь о — вид стихотворного сатирического рассказа, чаще всего антиклерикального, зародившийся еще в средние века.

² В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. X, изд. АН СССР, М. 1956, стр. 215.

попе и работнике его Балде», и выразил Бедный в своих многочисленных сатирических стихах.

Нет, не только явными и тайными личными пороками — чревоугодием и блудом, скряжничеством и угодничеством — запятнало себя православное духовенство накануне революции и в первые послереволюционные годы. Поп в дореволюционной России был в руках властей предержавных орудием, способствующим удержанию народа в путях темноты и невежества, а в России революционной он стал агитатором против новой Советской власти. Увы, и религиозная идеология, и официальное положение церкви в царской России, вконец разложившее, исподлившее ее служителей, и, наконец, словесное положение попа, эксплуатирующего и обирающего мужика, — все это приводило к тому, что церковь оказалась в стане ярых врагов Советской власти.

И не случайно именно в революционные и послереволюционные годы Демьян то и дело сыплет побасенками о попах. Как ни опасен кулак, но его легче раскусить и разгадать тому, кто на себе испытывает гнет кулацкой кабалы. Куда труднее освободиться от кабалы духовной. И Демьян упорно развенчивает духовных отцов в глазах ими пасомых чад. Нельзя не залюбоваться тем маневром, к какому он прибегает. Меньше всего он в данном случае склонен обли-

чать попов как врагов новой власти. Еще значителен среди деревенской бедноты, и особенно среди женщин, авторитет священника как человека, которому «много открыто». Еще сказывается в отсталых слоях крестьянства настороженность по отношению к новой власти, и прямое обвинение отцов духовных в антисоветской настроенности могло бы не принести плодов, а может быть, и нанести вред, и поэт прежде всего хочет разбить именно какие бы то ни было остатки поповского авторитета, упирая как раз на те черты, которые издавна знакомы мужику, издавна вызывают в нем презрительное отношение. Поп-пройдоха, поп-блудник, поп-пьяница, скачущий козлом у постели больного, монахи, откалывающие трепака в страстной четверг у кабака, разодравшиеся из-за панихидных калачей поп и дьякон, поп-обманщик, показывающий млеющей богомолке невидимый волосок святого, поп-безбожник, способный заменить священное миро колесной мазью, поп-хулиган, из мести родителям награждающий при крещении младенцев именами не только неудобопроизносимыми, но близкими по созвучию к ругательствам, — словом, тот самый поп, черты которого так нетрудно распознать и в своем деревенском батюшке, любящем и к шкалику приложиться, и вдовицу тишком наведать, и при случае навязать младенцу имя против же-

лания родителей. Политическое чутье Демьяна сказало именно в том, что этого врага он поражал, так сказать, при помощи обходного маневра, — давая ему бой на его слабом, очевидно уязвимом плацдарме.

Сами по себе многие из этих побасенок о попах прелестны.

Лучше всего удавались Бедному живые жанровые сценки с характерами, с диалогом, превосходно имитирующим особый язык духовенства, который он отлично знал и умело использовал. В этих стихах тот же здоровый, плотский юмор, каким в свое время отличались антиклерикальные новеллы итальянского Возрождения или русские сказки. «Богомолка», «Крещение», «В монастыре», «Поповская камаринская», «Христос воскрес» и многие другие — подлинные шедевры антиклерикальной сатиры.

Менее удачны были более поздние фельетоны обличительного характера и совсем уже неудачны попытки сатирического высмеивания непосредственно самой религии. Предпринятая им попытка создать, подобно автору «Забавного Евангелия» французскому атеисту Лео Таксилю, свой «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна» успеха не имела. Грубость произведения могла лишь оскорбить чувства верующих и вряд ли сослужила пользу антирелигиозной пропаганде. Впрочем, это «Евангелие» появилось уже в 1925 году, когда вообще ста-

ла обнаруживаться ограниченность некоторых взглядов поэта и усталость таланта.

Гигантский, требовавший нечеловеческих усилий объем ежедневной работы выматывал силы. Пока еще мало поэтов, которые, как Бедный и Маяковский, могут откликаться так оперативно, всесторонне и безошибочно на события сегодняшнего дня. Назойливые звонки редакций с утра раздаются в кремлевской квартире. Поэт сам начинает чувствовать опасность таких звонков, и за полушутливым стихотворением «Еще раз о том же» слышится не просто желание «завершить кое-какие начинания подлиннее очередного фельетона», попросить у заказчиков «пардона», но и внутренняя тревога за свое творчество.

Однако ни положение, ни гордость, ни самоуверенность не позволяют Бедному изменить привычному образу жизни журналиста-газетчика, приостановить выматывающий, обессиливающий процесс. Уже назревает творческая драма, и эта щедрая расточительность сил станет одной из ее причин.

11. «...УШИБЛЕН РОССИЕЙ БЫЛОЙ»

Современного читателя, раскрывающего даже многотомное собрание сочинений Бедного, не может не поразить то, что с сере-

дины 20-х годов он выступает как бы все реже. Огромный отрезок времени в добрые пятнадцать лет представлен, к примеру, в пятитомном издании всего в полутора томах. Да и среди этих произведений нередко небольшие эпиграммы или отклики преходящего характера. Действительно ли поэт в эти годы реже разговаривал с читателем? Вовсе нет. Только за сентябрь — ноябрь 1929 года были опубликованы его большая повесть «Ната» и чуть ли не стостраничный фельетон «Долбанем!».

Возможно, и даже вероятно, что в новых изданиях этот период будет представлен более широко, но вряд ли это очень многое добавит к нашему представлению о работе Демьяна Бедного в эти годы. Многие отгорело, отошло, не выдержало проверки временем.

Рассказать о творческой драме большого поэта не просто. Особенно если эта драма, вызванная и внутренними причинами, осложнялась внешними обстоятельствами времени. Попытаемся хотя бы в общих чертах представить себе, что же происходит в эти годы с поэтом.

Стремительно революционное развитие. В 20-е годы революция только набирает силы, все больше выявляя свой созидательный лик. Сегодняшний день не похож на вчерашний, как не будет похож завтрашний на сегодняшний. Стремительность развития

пронизывает все сферы общественного бытия от экономики до искусства. Не мудрено и отстать. «Революция бешено изнашивает профессиональных работников... — пронизательно заметит Лариса Рейснер. — И новую пролетарскую культуру будут делать не солдаты и полководцы революции, не ее защитники и герои, а совсем новые и молодые, которые сейчас, сидя в грязных, спертых аудиториях рабфаков, переваривают науку, продают последние штаны и всей своей пролетарской кожей впитывают Маркса, Ильича...»¹ Нет, конечно, она не совсем права — легендарная женщина-комиссар и талантливая писательница. И те и другие. И прежде всего те молодые солдаты и защитники революции, которые придут в литературу с полей гражданской войны, — то первое поколение советских прозаиков и поэтов, среди которого почти нет людей, не носивших на шлемах красноармейской звезды. С каждым годом выдвигаются новые имена. И каждое из них — своего рода магнитное поле, притягивающее к себе читателя. Да и читатель становится иным, более многослойным и многоликим. Даже постоянный, привычный поэту читатель, в первые послереволюционные годы нередко полуграмотный, культурно отста-

---

¹ Лариса Рейснер, Избранные произведения, Гослитиздат, М. 1958, стр. 23.

лый, изменяется на глазах. Пройдя через школу поэзии Бедного в годы гражданской войны, он в рабфаках и вузах открывает для себя огромный, ему до этого неведомый мир поэзии. И каким же многогранным оказывается этот мир, как он многоцветен! В нем гремят боевые трубы, но и нежные валторны «о дальнем привале, о первой любви говорят» (В. Луговской), здесь раздается голос смелой мысли, но и слышно робкое биение замирающего от счастья сердца.

К тому же, может быть, в сфере поэзии, как нигде, читательские поколения быстро сменяют друг друга, ибо любитель стихов — это прежде всего молодой читатель, и он ищет у поэтов ответа на волнующие его вопросы, поставленные историей перед его сверстниками. Он хочет знать многое и не довольствуется повторением истин, которые для него не являются открытием. Это не значит, что он отвергает эти истины, просто они известны ему с малых лет, а он жаждет открытий, яркого нового слова.

В середине 20-х годов Маяковский совершает величайшее поэтическое открытие, создав образ Ленина в поэме «Владимир Ильич Ленин». Он выступает как поэт созидательной силы революции, той ее стороны, которая в эти годы становится определяющей: «Отечество славию, которое есть, но трижды — которое будет».

20-е годы — период становления новой советской литературы, сложный и бурный период острой литературной борьбы, сшибки взглядов, преодоления буржуазных и мелкобуржуазных влияний, период споров и поисков. Но в этот сложный и противоречивый период развития литературного процесса создаются замечательные произведения, ибо развитие советского общества, сама действительность способствуют утверждению социалистического мировоззрения, помогают писателям в их поисках выйти на верную дорогу революционного творческого метода. И если это истинные художники, уверовавшие в «дух времени», доверившиеся ему, идущие в творческой практике от жизненного опыта и наблюдений, а не от социологических схем, произведения, созданные ими, обретают бессмертие. И молодой «рапповец» Фурманов в 1923 году напишет своего «Чапаева», а чуждающийся всяких групп молодой Леонов в 1924 году — своих «Барсуков», и столь же молодой «серапионовец» Федин в том же году — «Города и годы», а годящийся им в отцы шестидесятилетний А. Серафимович свою, может быть, самую молодую книгу «Железный поток». И в каждой из этих книг отразится по-своему многоликая и огнеликая Революция... Так же, как в полных революционной романтики сборниках «Орда» и «Брага» вчерашнего «серапио-

новца» Н. Тихонова, в поэме «Двадцать шесть» «лефовца» Н. Асеева, в звенящей, как струна, «Думе про Опанаса» «конструктивиста» Багрицкого... И в «Анне Снегиной», и в стихах о «Руси Советской» «имажиниста» Есенина. И хотя еще многое сумбурно в головах и между собою поэты не то что не совсем в ладу друг с другом, а часто и совсем не в ладу, и еще склонен автор «Пушторга» и «Улялаевщины» Илья Сельвинский оспаривать у Владимира Маяковского лидерство в поэзии, но ведь одно несомненно — они стоят, как говорили тогда, «на платформе Советской власти», и каждый по-своему воздаст поэтическую хвалу революции, Красной Армии, большевикам, строителям нового мира. И их постепенно узнаёт и пленяется ими читатель — не только узкий круг поклонников поэзии, а тот массовый читатель, которого культурная революция подняла до понимания поэзии как искусства многоцветного и многообразного. «Рухнула плотина, и выходят в бой».

И в самом деле, как бы какая-то плотина рухнула. И уже в резолюции ЦК РКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» в 1925 году будет записано: «Распознавая безошибочно общественно-классовое содержание литературных течений, партия в целом отнюдь не может связать себя привержен-

ностью к какому-либо направлению в области литературной формы»¹.

Поэзия Демьяна Бедного отныне существует в общем многоструйном потоке крепнущей, набирающей силы советской литературы. Как ни странно, его власть над рабоче-крестьянским читателем поколеблена прежде всего теми, кто непосредственно продолжал его поэтическую линию. Впрочем, что же тут странного? За молодой сменой всегда преимущество молодости!

В первой половине 20-х годов на арену советской поэзии выходят комсомольские поэты Александр Безыменский, Александр Жаров, Иосиф Уткин. Они завоевывают огромную популярность именно среди того широкого круга читателей, к которому обращал свое творчество Демьян. Они продолжают его линию гражданской политической поэзии. Никто из них не может приблизиться к нему по мощи и разнообразию дарования, но каждый обладает поэтической индивидуальностью, а главное, откликается на те вопросы, которые волнуют рабоче-крестьянскую молодежь, говорят от ее имени. Они не склонны прятать то, чем жертвовал он в себе, — душевный лиризм, ибо читатель потянулся к душевности, к лирике. И они ведь действительно создают

---

¹ Сб. «О партийной и советской печати», изд-во «Правда», 1954, стр. 346.

стихи и поэмы, которые целое поколение передовой молодежи зазубрит наизусть.

«Комсомолия» Безыменского: «Ах, Комсомолия, мы почки твоих стволов, твоих ветвей! Люблю, люблю я уголки любой провинции твоей». Может быть, сейчас эти строки кажутся сентиментальными — «уголки», «ах!». Но ведь здесь не только сознание, здесь заговорило молодое чувство.

А в стихах Уткина появится даже «есенинское» слово *нежность*, которого у Демьяна Бедного днем с огнем не сыщешь, хотя его стихи о красноармейцах полны нежности. С тою же опаской, с какою в другое время поэты будут сторониться «громких» слов, слов с прямым политическим значением, Демьян Бедный всю жизнь остерегался таких слов как *лиризм*, *нежность*, *романтика*, хотя по природе своей обладал исключительно лирическим дарованием и его пафосные стихи проникнуты всепоглощающей любовью к рядовому бойцу революции и романтикой борьбы. Эти чувства, которые как бы стыдливо, с крестьянским целомудрием избегал называть Демьян Бедный, назовут своими именами его последователи. У них иная жизнь, и более раскованны их напевы. И они иногда способны увидеть по-новому то, что для Демьяна Бедного как бы заволокло дымом сражений со старым миром, прочно связалось в сознании именно с этим миром.

Жаровская «Гармонь». Поэма появится в 1926 году отчасти как плод литературной полемики. И с кем? Как это ни странно, со старшим другом и учителем — Демьяном Бедным. Все начинается, казалось бы, с малого, с пустяков. Неожиданно вдруг обнаруживается разрыв Демьяна с его, именно с его читателем на почве... гармонии, той самой, на которой «крестьянский комсомол... наяривая рьяно, поет агитки Бедного Демьяна».

В резко отрицательном отношении Бедного к гармонике сказалась его ненависть к старой деревне, ко всему, что связано с этим старым, — к невежеству, к темноте, к пьянству. Гармонь в его глазах обращается как бы в символ «идиотизма деревенской жизни». Да ведь и в самом деле, разве не под гармонь кружится пьяная карусель «престольных» праздников и выкликаются похабные частушки, кулацкие, антисоветские и разве не на гармонии разводят нытье инвалиды в нэповских пивных и в поездах?

Но виноват ли в этом инструмент? Инструмент, обладающий магическим свойством собирать и объединять сельскую молодежь, организационная сила которого невыразима и неизмерима?

Любопытно, что Демьян даже не обратил внимания на стихи Есенина — своего литературного противника, где утверждалась прямая зависимость популярности его

поэзии от деревенской гармонике. Словом, Демьян выступил против гармошки, следовательно, и против веселья, молодости, радости, ибо на селе еще не было иного средства увлечь молодежь. Он, правда, предложил заменить гармошку гуслими — старинным инструментом, о котором память сохранилась лишь в сказках да, может быть, в далеких северных деревнях. Общее недоумение было недолгим. Не помог и огромный авторитет Демьяна. Молодой задорный комсомольский поэт напишет в газете, что Демьян Бедный должен понимать и помнить, что любая его ошибка будет не просто ошибкой, а ошибкой, помноженной на его огромный авторитет. И сопроводит свое письмо дружеским упреком:

Что толкнуло Вас, тоска ли, грусть ли,
Объявить гармонике капут?
Интересно, как это под гусли
Ваши «Проводы» споют.

И вскоре ответит поэмой «Гармонь», где воспевает кудесницу-гармошку, ставшую «волнующим понятным агитатором» в комсомольских руках. И пародист Архангельский будет обыгрывать, как приметный признак, нелюбовь Демьяна Бедного к гармошке: «Гармонь в настоящий момент самый зловредный инструмент».

Написал я этот кусок и призадумался. Сейчас трудно себе представить и пыл по-

лемики, и значение ее. «Гармонь в настоящий момент» редет и по селам, перекочевав, в основном, на сцены клубной самодеятельности и государственных хоров. Да и то не в виде вятской тальянки, ливенки, черепашки, а баяна, аккордеона или концертины. Но все, что написано выше, даже цитаты, написано с ходу, на память, и, значит, как же страстна и важна была полемика для молодежи тех лет, особенно сельской, да и фабричной тоже, если сорок лет я помню об этом слово в слово.

Вероятно, в ту пору еще никто, и сам Демьян Бедный, не уловил в этом частном просчете, в этом промахе некоей закономерности. «Вся его эволюция, — заметил проницательно П. Павленко, — проникнута внутренней необходимостью, его произведения представляют из себя цельный организм, и он поэтому вдохновляет на то, чтобы его брали всерьез, чтобы на него смотрели, как на мыслителя»¹. В этой характеристике 1931 года, следовательно написанной уже после резкой критики ошибок поэта, большая правда. Чтение произведений Демьяна Бедного приводит к убеждению в том, что и его промахи, как он говорил, «прорухи», — результат отнюдь не случайных просчетов, а именно характера его мышления,

---

¹ П. Павленко, Собр. соч., Гослитиздат, М. 1955, т. 6, стр. 451.

его мироощущения, его сложившихся взглядов на те или иные явления. «Я, однако ж, не шарманщик, чтоб сразу дать другой мотив», — не случайно говаривал он о себе. Обращая взор к прошлому, он не склонен там видеть ничего, кроме социального зла и невежества, ибо прошлое еще дает себя знать, и особенно в области быта.

В конце 20-х годов его творчество как бы распадается на две линии — патетическую и сатирическую, существующие каждая сама по себе, не сливаясь, как сливались они ранее, образуя художественное единство его поэтического облика.

По-прежнему он откликается на трудовые победы стихами, поэтическими обзорами, посвященными «бойцам за красивую жизнь». Одним из первых пишет поэму об индустриализации — «Шайтан-арба», посвященную строительству Турксиба, воспевающую героиню великой битвы в пустыне. *«Мы будем укладывать, шить колею для могучего «локомотива истории»* — этот образ напоминает нам «Главную улицу», где говорилось о колее исторической. Но окрыляющая поэтическая сила стиха ослабла.

Его патетическая лирика конца 20-х годов становится риторичной, эмоционально однотонной, стих часто уныло прозаичен. Читатель, уже отведавший и вкусивший от многих поэтических плодов, оценивший

силу короткого лирического стихотворения, без особого восторга читает длинные полотна Демьяна Бедного.

Сам поэт как бы предпочитает область сатирического фельетона. Здесь у Демьяна Бедного, кроме Маяковского, нет достойных соперников. Но объем работы так велик, что уже некогда заботиться о художественных достоинствах стиха. В фельетоне «Долбанем!», направленном против пьянства, более двух тысяч строк. Они написаны менее чем в двадцать дней. Рука набита на раешнике, и он пишет этим стихом изо дня в день, не замечая, как поредела словесная ткань, как назойливо-однообразны ритмы. Никаких поэтических находок, стихотворное обличение идет в лоб на сплошном нагромождении лишь отрицательных фактов. Особый демьяновский юмор, с хитринкой, с подковыркой, изменил ему. Его сатирические стихи полны раздражения, он зачастую прямолинеен и не замечает, как кренится его творческий корабль под грузом этих однообразных обличительных филиппик.

Когда-то в повести «О Митьке-бегунце и его конце» поэт остроумно и забавно изобразил дезертира, его заячью жизнь и трагический конец. И это стихотворение имело огромное влияние на бойцов, одновременно веселя и убеждая, и, наверное, немало Митек уберегло от подобного конца. Теперь же в фельетонах «Перерва», «Слезай

с печки», «Без пощады» самый прием, каким пользуется поэт, готовит ему поражение. Подбирая из различных газет те или иные частные факты, цитируя одну заметку за другой, он объективно приходит к обобщениям, имеющим мало что общего с действительностью, с которой он, увы, далеко не так тесно связан, как когда-то. В ярости поэта есть своя несомненная правота. Поэт руководствуется самыми добрыми намерениями, стараясь вытравить, выжечь из жизни пьянство, лодырничество, лень. И разве не прав он, относя эти безнравственные качества за счет прошлого? Несомненно прав. Беда в том, что он не сумел раскрыть истоки этих пороков и не усмотрел в прошлом ничего, кроме «расейской старой горекультуры», «нашей рабской наследственно-дряхлой природы». Под пером фельетониста возникает картина страны «неоглядно-великой, разоренной, рабски-ленивой, дикой, в хвосте у культурных Америк, Европ». Здесь сказались неразборчивость, нетребовательность к своей мысли, недостаток культуры и образованности, разухабистость пера автора.

Когда теперь перечитываешь эти фельетоны, испытываешь какое-то невыразимое чувство то ли огорчения, то ли обиды не на поэта, а за него. Так очевидна односторонность его взглядов, так маломощна литературная сторона фельетонов, Чего-чего не

встречаешь, к примеру, в его «Долбанем!». Здесь и заметки из современных газет о случаях пьянства, и ссылки на исторические источники, вплоть до книги путешественника Олеария, где дана «православной стране «немецкая» аттестация: «самая запьянцовская в мире нация!», и даже цитата из «Гамбургской драматургии» Лессинга.

И какой неверный, раздраженный тон самого разговора с читателем! «Слезай, деревенщина, с печки!» — обращается он к тем парням, которые не так-то легко привыкают к трудным условиям новостроек и больше нуждаются в ободрении, чем в окрике. А ведь не кто другой, а такие вот парни подняли своими руками стены новостроек первой пятилетки.

Дело было, конечно, не в том, чтобы обходить отрицательные явления жизни, а в том, чтобы острая критика была одновременно критикой жизнеутверждающей, вдохновляла людей на борьбу с недостатками. Фельетоны Демьяна Бедного в эту пору не поднимались до решения такой художественной задачи. Они скорее могли отталкивать своей манерой окрика.

Ошибки Демьяна Бедного подверглись критике в решении Центрального Комитета партии.

Поэт не сразу согласился с нею и обратился с письмом к Сталину. В ответном

письме Сталин цитирует ленинские положения о существовании в прошлом, кроме России реакционной, еще и России революционной, о национальной гордости великороссов, ссылается на славную историю русского пролетариата, на современное положение и растущий в мире авторитет Советской страны.

Но написано письмо в свойственном Сталину оскорбительном, грубом тоне. В нем видно желание покончить с какими-либо проявлениями «биографической нежности» с товарищем и соратником по борьбе, изменить отношения, складывавшиеся на протяжении долгих лет. Автор письма менее всего склонен разбираться в чувствах, которые руководили поэтом, помочь, как это делал Ленин, таланту, преданному всей душой делу коммунизма. Фельетоны Бедного он квалифицирует беспощадным определением: клевета. В язвительных обращениях «высокочтимый», «Вы, как человек грамотный», в том, как, приведя ленинскую цитату, Сталин тут же пишет, что «ясная и смелая «программа» Ленина... вполне понятна и естественна для революционеров, кровно связанных со своим рабочим классом, со своим народом» и «непонятна и не естественна для вырождков... которые не связаны и не могут быть связаны со своим рабочим классом, со своим народом», — во всех этих двусмысленных

и недвусмысленных намеках отчетливо проявляется злая воля, стремление унижить, морально изничтожить поэта, отказать ему, Демьяну Бедному, в кровной связи с народом, в праве считать себя большевиком.

Письмо дышало прямой угрозой, удар наносился немилосердный. Хорошо зная характер Сталина, поэт понял, что пощады не будет, что его попытка объясниться только привлечет подозрительное внимание ко всему, что он напишет впредь, и уж тут каждое лыко не преминут поставить в строку—в общую строку неискупимой «вины».

Что же касается сути критики фельетонов Бедного, то тут, мне думается, мы можем положиться на мнение самого поэта, который ни при каких обстоятельствах не кривил душой. В беседе с молодыми писателями в 1931 году он сам, не ссылаясь на Сталина и не заискивая перед ним, укажет на свои «прорухи» «как раз по линии сатирического нажима на дооктябрьское «былое», выразившееся в «огульном охаивании «России» и «русского», в объявлении «лени» и склонности к «сидению на печке» чуть ли не русской национальной отличительной чертой. Это, конечно, перегиб. Тут, как говорится, и я «перекричал». Таковы некоторые места моих фельетонов «Слезай с печки» и «Без пощады».

Литературная критика тех лет, конечно,

не ставила своей задачей объяснить корни ошибок поэта. А к слову сказать, для художника разъяснение имеет не меньшее значение, чем оценка и констатация. Демьяну Бедному пришлось додумываться самому, как же все-таки он — признанный пролетарский поэт и певец рабочего класса — вдруг впал в «фальшивый тон». И в 1931 году в фельетоне «Вытянем!!» он писал:

Я злой.

Я крестьянски ушиблен Россией былой.
Когда я выхожу против старой кувалды,
То порою держать меня надо за фалды,
Чтобы я, разойдясь, не хватил сгоряча
Мимо слов Ильича,
Что в былом есть и то, чем мы вправе

гордиться:

Не убог он, тот край, где могла народиться
Вот такая, как нынче, ведущая нас,
Революционная партия масс...

«...Крестьянски ушиблен Россией былой», — это сказано метко и точно. В том же стихотворении есть строки, свидетельствующие, что поэт сам понял и осмыслил: какое-то время он был оторван от жизни, «ковыряясь в былом». Как никогда, он нуждался в эти годы в общении с жизнью не через газету, не через передовицы и хронику происшествий, а в той непосредственной связи, которая была у него в свое время с фронтом, с Красной Армией. «Вытянем!!» и написано во время поездки на Магнито-

строй. Полемизируя с эмигрантской печатью, утверждавшей, что Демьян поехал на Магнитку поднимать дух, он говорит:

Верно. Так. Для поднятия духа. Чьего?
Духа магнитогорцев? Ничуть. Своего!
Я об этом в газете трубил ведь заране —
Мало видеть постройку на киноэкране:
Вот, мол, первых две домны —

растут в одно лето!

Вот, мол, первая шахта, откуда руда!
Нет, *лишь тот, кто на месте увидит все это,*
Тот поймет и почувствует пафос труда...

Пожалуй, это ему действительно было необходимо. Бодрые, оптимистические ноты снова зазвучат в его стихах. Поездка на Урал вызовет в нем интерес и к прошлому, к умельцам старого, дореволюционного Урала, к тем сказам, которые оживут перед читателем под волшебным пером Павла Бажова.

Уразумение ошибок и даже распознавание их корней еще не спасает от повторных прегрешений. Прочитайте «Вытянем!!», и вы увидите, что и здесь поэту не удалось еще избежать ограниченности взгляда на прошлое, своего отношения к «далекой старине». Строителям Магнитки он противопоставляет Святогора-богатыря — образ, созданный вовсе не реакционной Россией, а поэтической фантазией народа, один из самых сложных и глубоких по мысли образов фольклора. Народ воплотил в этом об-

разе символ сознания своей богатырской силы, которая при разумном использовании могла бы свершить великие дела, всю землю перевернуть. Поэтическое сопоставление действительно как бы напрашивается само собой, но для поэта Святогор — не прообраз народной силы, а всего лишь «старорусский бахвальщик богатырь». Из этого зерна и прорастут впоследствии «Богатыри» — новый текст к комической опере Бородина, написанной композитором в середине прошлого века.

Поэт, естественно, не мог совсем оторваться от старой пьесы Виктора Крылова, к которой Бородин писал свою шуточную музыку, частично используя и пародируя известные арии, частично создавая новые. Демьян Бедный сохранил основных действующих лиц и даже некоторые прежние стихи Крылова, но изменил бытовое шуточное содержание на социально-историческое. Вместо сказочного Густомысла появился исторический Владимир, вместо безобидных любовных конфликтов — конфликты социальные.

Художественная сторона пьесы, где сюжетные линии плохо увязаны друг с другом, стихи частично заимствованы, весьма невысока. Но ошибочно думать, что Демьян Бедный задался целью в своем либретто опорочить тех русских богатырей, чьи имена в народном творчестве прославлены как

имена его защитников, как символ воинской доблести народа. Да и как мог сделать это человек, незадолго до этого в своей речи на Первом съезде писателей противопоставивший обиженного князем Илью Муромца тем «богатырям», что только похваляются, сравнивавший себя не с кем иным, как с Ильей Муромцем.

«Это не Ильи Муромцы, не Добрыни, — писал он о персонажах пьесы в своей статье, предпосланной спектаклю. — Это о них летопись говорит, что на княжеском пиру они однажды зашумели на князя, почему им дают деревянные ложки, они хотят есть из серебряных. А как дошло до боя с печенегами, у князя бойцов не оказалось». В самом тексте либретто сказано, что ее персонажи «не чета матерому Илье да Добрыне». Это те горе-вояки из дружины былинного Владимира, о которых в былинах поется, что в случае беды «младший хоронится за среднего, средний за старшего». Да и сам Владимир изображен резко карикатурно, что, впрочем, не расходится с ироническим отношением к «ласковому князю Красному Солнышку» в народных былинах.

Поэт мечтал о создании «народной комической оперы», такого комедийного действия, какое он уже пробовал осуществить в успешной постановке комического обозрения «Как четырнадцатая дивизия в рай

шла»¹. На этот раз он создавал комическое действие, обличающее пьянство, бахвальство, ненавистные ему религиозные верования.

Надо признаться, что выбор Демьяном Бедным материала и его трактовка оказались и неудачными, и совершенно несвоевременными. Обобщающее название — «Богатыри» — нимало не способствовало пониманию субъективных намерений поэта. Еще менее отвечала сложности исторического процесса попытка представить героическую линию, линию народную не в образах подлинных богатырей — героев народного эпоса, — а в образах «разбойничков честных, богатырей лесных» и пародийное, фарсовое изображение эпизода крещения Руси как «пьяного дела». Диалектика истории в данном случае мало занимала поэта.

Пафос его пьесы состоял в противопоставлении князя и его дружины народу, который, правда, как уже сказано выше, олицетворялся им в образе «благородных разбойников». Это изображение резко

---

¹ Этому обзору предшествовало написанное Бедным еще в годы гражданской войны одноименное сатирическое стихотворение. В основу его, возможно, положен «бродячий сюжет». Уже в годы второй мировой войны французский писатель Марсель Эме напечатал новеллу «Польдевская легенда» (см. сб. «Современная французская новелла»), во всех деталях (кроме имен) совпадающую с произведением Д. Бедного. Исследователей творчества Бедного, может быть, заинтересует это «сходство».

столкнулось с характерным для периода культа личности Сталина возвеличиванием и преувеличением роли князей и царей в русской истории, приписыванием отдельным личностям прогрессивных деяний, обусловленных сложным и противоречивым развитием исторического процесса.

Судя по тому, какой силы был обрушен удар на автора и пьесу, без какой-либо скидки на самый жанр комической оперы, в пьесе усмотрели не просто рецидив ошибок поэта, но и нежелательный намек. Впрочем, история «Богатырей» еще ждет своего исследователя.

Дорого обошелся поэту его опыт создания «народной комической оперы». Спектакль в Камерном театре был немедленно снят. Критика по адресу автора приняла характер мстительной критики на уничтожение. Не только забыты его заслуги, но и о таких значительнейших произведениях этого периода, как «Красноармеец Иванов», «Колхоз «Красный Кут», говорить не принято. Поэт, как никогда, чувствует на себе всю тяжесть своей очередной «прорухи». «Трижды мною проклятые «Богатыри», — размашисто напишет он поверх машинописного черновика пьесы.

Весь период с начала 30-х годов до самой войны — это период тяжелейших испытаний для поэта. Избалованный признаниями, не без оснований вознесенный на вер-

шину славы и популярности, он попадает в полосу жесточайших непогод. Сейчас нелегко отделить то, чему причиной был сам Демьян с его очевидными заблуждениями, от тех привходящих обстоятельств, которые еще более отягощали его положение.

В самом деле, как и чем объяснить, к примеру, то, что в момент ослабления его популярности и снижения качества его стихов на рубеже 30-х годов рапповцы в своих групповых целях выдвигают лозунг «одемянивания» литературы. В тех условиях в применении к поэту и к состоянию литературы подобный лозунг отнюдь не способствовал укреплению позиций поэта, как не отвечал и партийной политике в области литературы. К чести Демьяна Бедного надо сказать, что он преодолел искушение и не был польщен оказанным ему вниманием рапповцев. «Я, — писал он, — предвижу такой расцвет пролетарской литературы, что мне просто совестно говорить об «одемянивании». Я первый поднимаю руку за подыскание более подходящего лозунга, который бы стал величайшим *знаменателем* той пока еще литературной дробинки, в которой я, к примеру, один из небольших числителей...»

В 1934 году на Первом всесоюзном съезде писателей в докладе о поэзии Бухарин избрал мишенью критики Демьяна Бедного, Маяковского, самую линию гражданской партийной поэзии. Только крепкая мужиц-

кая натура могла выдержать такой удар. И с каким достоинством произнес тогда поэт свою яростную ответную речь!

Как уже говорилось, появившиеся в 1936 году «Богатыри» сослужили поэту особенно плохую службу. Напрасно он пытается смягчить удары признаниями действительных и мнимых ошибок, признаниями, вызванными отнюдь не боязнью за себя, а партийной дисциплинированностью, искренним стремлением разобраться в том, в чем разберутся только через двадцать лет. Все тщетно. Поэт «в опале». Репрессии 1937 года не минуют и его. Заслуги поэта слишком велики и очевидны, чтобы прибегнуть к бесповоротной расправе. Но в 1938 году его лишают партийного билета. Трагедия достигает своей кульминации.

Вопреки «судьбе» Демьян неустанно работает. Не потребностью забыться он побуждаем, а сознанием ответственности за свое участие в том новом, что рождается в стране, совестью коммуниста. Сердце дает перебои, но он продолжает творить. Никто и никогда не сможет сказать, что старый боец ленинской гвардии сложил оружие, пал духом, выбыл из строя. Изредка в тонких журналах появляются его стихи. В годы вынужденного молчания он работает над стихотворными переложениями «Малахитовой шкатулки», назвав их «Горные были». Бажовские сказы он считает простой

записью народных сказов, и открытие истины станет для него источником нового огорчения, ибо какая же заслуга перелгать в стихи чужую прозу. Но роль его как боевого поэта не закончена. Он не напрасно верит в то, что еще будет нужен. Атмосфера накалена, приближение войны ощущаемее с каждым днем. Старый боец, он чувствовал это много ранее, чем другие. И об этом говорил в 1934 году на писательском съезде. И годом ранее в стихотворении, посвященном подготовке XVII съезда партии:

Но как бы ни был век мой краток,
Коль враг пойдет на нас стеной,
В боях, в огне жестоких схваток
Я дней и сил моих остаток
Удорожу тройной ценой...
Узнает враг, кривя гримасы,
Что я — не перепел в овсе,
Что я — певец рабочей массы
И что мои огнеприпасы
Еще истрачены не все!

(«Мой рапорт XVII съезду партии»)

12. «ЛИХАЯ РОТА СТИХОВ»

Да, не все огнеприпасы были истрачены. 13 июля 1941 года «Правда» напечатала стихотворение «Партизаны, вперед!»¹, под

---

¹ Со сноской: «Заключительная часть поэмы «Степан Завгородний».

которым стояла знакомая подпись — «Демьян Бедный».

Живо помнится то чувство, с которым его прочли. Прочли с — пусть мимолетной в те тревожные дни — радостью, что старый, испытанный боец снова обрел свое право и место в строю. Дело было даже не в самих стихах, а именно в возрождении поэта, в том, что снова читатель встретился с ним.

Начиная с этого дня имя Демьяна вновь замелькало на страницах газет, особенно армейской печати, под плакатами ТАСС. И подумалось, а как же не хватало его в те годы, когда поэт находился «в опале»!

Опыт поэта-бойца давно стал опытом всей советской поэзии, и те оперативные жанры, которые когда-то утверждались им, давно уже стали достоянием представителей самых различных поколений советских поэтов. Однако без него наша поэзия этих лет была бы менее богата. Ибо он внес в нее то свое, неповторимое, что было присуще ему, поэту, сочетавшему публицистический пыл с сатирическим. Фельетоны, басни, частушки, героические стихи, стихотворные повести вновь сменяют друг друга, изливаясь неудержимым потоком. Каждый, кто встречался с ним в эти дни, не мог не восхищаться его вновь заискрившимся талантом импровизатора, его оперативностью.

Многим участникам войны, наверно, памятно четверостишие, что печаталось на солдатских кисетах:

Эх, махорочка душиста,
Хорошо ее курнуть...
Бей проклятого фашиста,
Не давай ему вздохнуть.

Оно было без подписи, но Демьян Бедный не раз вспоминал о нем, шутливо говоря: «Вот моя поэма»¹.

Сатира его снова становится гибкой, сохраняя своеобразный облик насмешливой издевки над зарвавшимся врагом. Враг в его сатирических стихах, будь это сам Гитлер, Геббельс, Геринг или разобыкновенный фриц, гадлив, мерзостен и смешон, как черт, что намалеван гоголевским кузнецом Вакулой. Мастер плаката, Бедный так умело пишет свои эпиграммы, что в них уже подсказано живописное решение, и художнику остается только подрисовать картинку к тексту. Впрочем, картинность — одно из достоинств сатирических стихов Демьяна вообще. Его песенки и его куплеты, его частушки впитали в себя традиции русского лубка. Им присуща не описательность, а сценичность, динамика, движение — куплет может быть представлен в живописном изображении. Лубочная традиция сказывается и в том, что шутливые

---

¹ Сообщено Л. Е. Придворовой — дочерью поэта.

куплеты, как правило, заканчиваются публицистической строфой, взывающей к отмщению, к действию.

Его лирика развивается в общем русле патриотической лирики военных лет. Темы боевого подвига, боевой дружбы советских народов составляют ее содержание. Он пишет полные веры в победу стихи, прославляющие подвиги советских бойцов, стихи, полные гордости великой родиной, что в бою с врагом раскрыла «всю мощь народную свою, всю беззаветную отвагу». Волевая интонация, которая всегда составляла силу Демьяна Бедного, властвует в его стихах, написанных в самые трудные месяцы войны.

Враг на подступах к Москве. В эти дни поэт печатает в «Правде» стихотворение «Я верю в свой народ».

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой.
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
Несокрушимою тысячелетней верой...

В своем понимании исторического развития родины и истории народа поэт поднимается до поэтического осмысления связи и преемственности героики, лучших черт национального характера. Говоря о сегодняшних боях, он вспоминает «старину», то, как били наши предки псов-рыцарей, орды Мамая на Куликовом поле, вспоминает и партизан 1812 года, и славных женщин-патрио-

ток — кавалерист-девицу Надежду Дурову. и первых сестриц-героинь Севастопольской обороны. Народный эпос, образ русского богатыря, немеркнущая слава русского оружия также взяты им на вооружение своей боевой лирики.

Взволнованно пишет он о подвигах солдат и партизан, о тех, кто в тылу работает на победу. Священная война против фашистских захватчиков в лирике Демьяна военных лет предстает читателю именно как общенародная война:

Пласты глубокие взрывая,
В народных недрах открывая
Ключи энергии живой,
Вступила ярость трудовая
В соревнованье — с боевой.

В строю и молодость и старость.
Все — в напряженье, все — в бою.
Страшней нет ярости, чем ярость
В борьбе за родину свою!

(«Ярость»)

Уже в первые месяцы войны он перерабатывает и дописывает свою поэму «Колхоз «Красный Кут» о партизанской борьбе с немцами в 1918 году на Украине, называя ее по имени героя «Степан Завгородний», призывая, заклиная «всею силой партизанскою» ударить «по насильнику, для счастья нашей родины ни сил своих утроенных, ни жизни не щадя!».

Свойственное ему искусство рассказчика-повествователя в этой поэме снова проявилось с блеском. Автор избрал размер, схожий со знакомым нам по некрасовской поэме «Кому на Руси жить хорошо», и стих ведет играючи, насыщая прибаутками, рисуя словом яркие, жанровые картины, становясь то насмешливым, то разгневанным.

Герой повести «Степан Завгородний» — человек его поколения, участник гражданской войны. В новой войне симпатии и любовь поэта устремлены к молодым участникам великой битвы за родину. Сквозь дым сражений, на фоне зарева пылающих деревень возникают в его повестях образы детей-героев («Русские девушки», «Наши дети», «Мечь», «Хозяин»). Образ подростка-бойца, мстителя, хозяина занимает первое место среди созданных им в то время образов по своей поэтической силе и чувству, вложенному в него автором. Перечисляя поэмы и стихотворения о детях в общем ряду более двухсот произведений, написанных поэтом в годы войны, критика не уделяла им внимания, какого они заслуживают.

Примечательна легенда «Мечь» об убитом немцами мальчике-голубятнике из Верей. «Но о нем — неживом — пошли слухи живые». «Воскрешенный любовью народной» в легенде, он идет неуязвимый для пуль через линию фронта по вражеским окопам, вызывая трепетный страх у немец-

ких солдат. Русский «мальчик с голубем белым на левом плече» возникает перед их испуганным взором как судья и провозвестник возмездия.

Трогательная символика легенды сменяется в стихотворной повести «Хозяин» реалистическим рассказом о подростке, взявшем на себя всю крестьянскую работу. Немцы сожгли его родную деревню, но как только отогнали их советские бойцы, Егорка Раздолин одним из первых взялся за топор, ставя сруб новой избы. В образе юного героя поэт объединял черты миллионов подростков, вынесших на своих хрупких плечах тяжелый труд на колхозных полях и у заводских станков.

Есть что-то глубоко трогательное в том, что для стареющего поэта именно детские образы начинают приобретать особую притягательность. Название повести «Хозяин» не просто оправдано ее содержанием, поведением юного героя, им как бы подчеркнута мысль о том, что дети — наследники дела отцов. Когда-то лет за двадцать до большой войны поэт закончил свое стихотворение «Юной гвардии» так:

Враг стоит пред грозной карой,
Мы — пред заревом побед...
Юной гвардии от старой
Героический привет!

И его повести и стихи о детях в годы войны — своего рода героический привет и

«Я, как чернорабочий, не брезговал в работе никакой темой, — говорил о себе Демьян Бедный. — Все шло на потребу времени и действия. В двадцати томах¹ моих стихов не ищите филигранных шедевров. Агитационное мастерство имеет свои законы. Агитатор бросает во вражий стан не розы, а разрывные снаряды. Чем удачнее, динамичнее снаряд, тем оглушительнее разрыв, тем на большее число осколков разрывался мой снаряд, тем, стало быть, больше была площадь поражения, тем более жесток был удар. Большинство того, что собрано в моих двадцати томах, это — разного калибра застывшие осколки, которые когда-то были разрывным снарядом. Осколки застыли, заржавели, может быть, но они честно сделали свое революционное дело и имеют право рассчитывать на революционное уважение. Если не все, то часть их попадет — не в архив, а в революционно-художественный музей, и не для того, чтобы ими любовались, а чтобы их изучали, как и из чего они делались, в чем заключалось мастерство изготовления агитационного снаряда».

---

¹ Двадцатитомное собрание сочинений Демьяна Бедного издавалось в 1925—1930 гг. Вышло девятнадцать томов. Двадцатый том был отпечатан, но до читателя не дошел.

В любом искусстве, в любом мастерстве существуют открытия, которые впоследствии так прочно входят в обиход, что кажутся чуть ли не вечно существовавшими. Для того чтобы подивиться мастерству изготовления Бедным его «снарядов», не надо обращаться в музей. Оно не музейно, это мастерство. Поэтический опыт поэта-агитатора, введенное им многообразие жанровых форм вошли в советскую поэзию и как бы растворились в ней. Поэтические формы, в свое время развиваемые и совершенствуемые им, — агитка, стих-приветствие, фельетон, политическая басня, — стали настолько привычными, что не всегда вспоминают о Демьяне Бедном как их прародителе. Но именно он вводил и культивировал эти формы в нашей советской поэзии, пронизав их высокой идейностью и воинствующей партийностью, накаляя жаром собственной души.

Сам Бедный чаще подчеркивал сатирическую сторону своего дарования. Но мы-то не можем забыть о нем и как о талантливейшем песнопевце революции, революционных масс, борющихся за идеалы коммунизма. Не он ли первым прославил рядового красноармейца и рабочего — защитников и строителей советского общества — и, понимая силу вдохновляющего примера, запечатлел черты нового человека на самом раннем этапе развития новой литературы?! Он, как и Маяковский, стоит у истоков по-

эзии социалистического реализма, лирики сердца, беззаветно отданного величественному делу партии и родного народа.

Поэтическое слово Демьяна Бедного было рождено из пламени революции и света ленинской правды. И оно отозвалось в миллионах сердец, побуждая массы к активному действию в борьбе. «Певец рабочей массы», он стал голосом пробужденных революцией масс, поэтическим осознанием их воли, энергии, силы.

Не все его произведения, при значительности содержания, выдержаны в художественном отношении, отличаются гармонией элементов содержания и формы. Но все они в свое время поднимали массу новых мыслей и чувств, способствовали формированию нового отношения человека к миру. Лучшее же из того, что создано им, свидетелем и бойцом великой битвы времени, навеки хранит в себе нетленный жар революционных лет. А утвержденная им традиция пафосной гражданской лирики стала неотъемлемой в советской поэзии. И потому вечен огонь нашей памяти о нем.

Жизнь его — немеркнущий пример исполнения революционного долга. *«Твердо помните, — говорил он, — что пролетарский писатель — это прежде всего борец за идеи революционного рабочего класса, за осуществление тех величественных планов, за решение тех поистине гениальных задач,*

которые намечены генеральной линией нашей Коммунистической партии».

Творчество его — пример служения партийному долгу, мобилизации всех способностей дарования на создание собственного стиля, отвечающего темам и требованиям времени.

Будучи по природе таланта новатором, он учил, что главное в поисках новых форм должно быть направлено к тому, чтобы создавать такие произведения, которые объединяли бы в себе «чувство, мысль и волю трудящихся на достижение указанного Марксом «единства цели», вот этой нашей живой, боевой, революционной цели — построения социализма». Что же касается своеобразия форм, то в беседе с молодыми литераторами в 1931 году он говорил: «У каждой поры свои песни, и своя форма у этих песен. Труднейшее дело — эти самые новые формы. Особенно теперь, когда требуется отобразить невиданное в мире гигантское социалистическое жизнетворчество... Не мудрено и отстать... если оторваться от жизни, замешкаться, не включиться своевременно в тот творческий поток, которым сносится, смывается старое и создаются новые формы жизни. Из глубины этого потока выйдут создатели и новых литературных форм, которые будут соответствовать новому содержанию литературы и новым формам жизни. Наше время — ге-

ниальное время. У гениального времени появляются и гениальные поэты. Они не могут не появиться».

Он и сам был поэтом гениального времени, творчество его вызвано к жизни и одухотворено временем, работающим на коммунизм. И с полным основанием к нему, бойцу и поэту, чья жизнь была горением во славу революции, применимы строки, посвященные им когда-то герою-красноармейцу:

Нет, не убито, не мертвó:
*В строенье жизни, равной чуду,
Передалось родному люду
Биенье сердца твоего.*

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	5
1. «Время темное, глухое...»	9
2. «По маяку свободы»	20
3. «Мой «символ веры» — в моих баснях»	26
4. Школа Ильича	37
5. «Большевицкую волю — в каждую строку»	47
6. «У каждой поры — свои песни»	61
7. «Разжигатель неумный»	77
8. «...Тобой бессмертен буду сам»	91
9. На «Главной улице»	98
10. «Отцы духовные и их помыслы греховные»	115
11. «...Ушиблен Россией былой»	120
12. «Лихая рота стихов»	145

**Александр Николаевич
Макаров**
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Редактор *И. Масуренкова*
Художественный редактор
Г. Андропова
Технический редактор *О. Репина*
Корректор *А. Ухина*

Сдано в набор 10/VI 1964 г.
Подписано к печати 3/X 1964 г. А-09418
Бумага 70×90¹/₂. 5 печ. л.
5,85 усл. печ. л. 5,16 уч.-изд. л.
Тираж 25 000. Заказ 1114.

Цена 21 коп.

Издательство
„Художественная литература“
Москва, Б-66. Ново-Басманная, 19

Ленинградская типография № 1 „Печ-
лтый Двор“ имени А. М. Горького
Главполиграфпрома Государственного
комитета Совета Министров СССР
по печати, Гатчинская, 26.

Отпечатано с готовых матриц в типо-
графии им Володарского
Ленинград, Фонтанка, 57

Заказ 1673

21 к.

